
1921

5 янв[аря]. После очень большого промежутка снова принимаюсь за дневник. Как раз только что пробило 12 ч[асов] (дня), и мне почему-то показалось, что в этом есть что-то мистическое. Встретили мы Новый год хорошо: теплая комната, нарядный стол, довольно обильное (конечно, по нынешнему времени) угощение и настроение не плохое: так хотелось верить, что наступит же к[огда]-н[ибудь] конец, поворот, а вот за самые последние дни на душе гнетущая, безысходная тоска: от Верочки давно нет вестей, и мне мерещатся разные ужасы; так хотелось бы поскорее узнать, что Таточка совсем поправилась, карантин кончился, Верочка здорова и они обе в Чите с Колей.

Итак, рынки закрыты; продукты приходится доставать у спекулянтов, конечно, по ужасным ценам. Вчера я купила масло по 14 тыс[яч] за фунт, предлагали телятину по 3000 р[ублей] за ф[унт], сегодня пойду к З[инаиде] Н[иколаевне] за картофелем – кажется, уже по 450 р[ублей] за ф[унт]. В Музее Рев[олюции]¹ Наташа слышала от П[авла] Е[лисеевича] Щеголева, что ему перед праздником принесли продавать индюка – за 90 000 р[ублей]! Он не взял: дорого, тогда продавец сказал: «Отнесу такому хорошему господину Юрьеву (артисту), он наверно возьмет». Гусь стоил перед праздником, говорят, около 80 000 р[ублей]. Зубная щетка – 2000–2500 р[ублей], и то трудно найти. Щетка для мытья белья – 2500 р[ублей], коробка спичек 200–300 р[ублей], ржаная мука – 700 р[ублей] за ф[унт], лук тоже 700 р[ублей], молоко – 900 р[ублей] за бутылку (я плачу 700 р[ублей], и это дешево). Крупы что-то около 1000 р[ублей] за ф[унт] и т.д. Без пайков можно положительно умереть с голоду, но каково ездить за пайками, когда трамваи ходят только с 7 до 11 ч[асов] утра, и то очень неисправно. Бедная Марусенька делает громадные концы по городу с тяжелыми мешками в руках, другие члены семьи тоже. Я ежедневно напрягаю все свои мыслительные способности, чтобы придумать, как и чем накормить семью – а ведь у нас много пайков, каково же другим? И вопрос о дровах стоит очень остро. Дом ученых много обещал, но пока ничего не дает, п[отому] ч[то] сам ничего не получает². Мы все соображаем, что еще 2–2½ мес[яца], и солнышко станет пригревать. И сколько приходится ходить по городу, всем, кто служит! Невольно пожалеешь, что мы живем на окраине, хотя, конечно, весной у нас будет очень хорошо. Особенно страшно за С.Ф.: столько движения в его

годы – это слишком. Марусе сказал А[лександр] Ант[онович] Смулов, со слов трамв[айных] инженеров, что трамваи будут ходить, к[а]к раньше, если даже придется для этого остановить к[акой]-н[ибудь] большой завод, напр[имер] Путиловский, – так будто бы решено в каких-то высших инстанциях, но Бог знает, правда ли это: ведь в Москве трамвайного пассажирского движения давно нет. Стараешься бодриться, но иногда всякая энергия пропадает.

7 янв[аря]. С.Ф. приносил 2 газеты – одну из Гельсингфорса, другую из Праги; так странно видеть газету прежнего вида: старая орфография, объявления к[а]к прежде, передовые статьи и т.д. Говорится там, что после разгрома (или ликвидации?) Врангеля союзники на себе почувствуют всю прелесть советского режима. Кто-то на днях передавал отзыв фон дер Гольца, что Красная армия никому не страшна, что с ней не трудно справиться, но что страшна та пропаганда и агитация, к[ото]рая широко организована в армии и способна разложить всякую другую армию.

Академик Щербацкой уехал за границу с 700 000 р[ублей] советских денег и попал в Ревель к[а]к раз в то время, к[а]к прошел слух, что советские деньги будут аннулированы; конечно, курс на них стал еще ниже, и за эти 700000 р[ублей] Щ[ербатской] получил всего-навсего 237 шведских крон – кажется, дальше идти некуда.

В газетах уже было напечатано, что к июню предположено демобилизовать 40 %ⁱ Красной армии³, а теперь усиленно говорят, будто демобилизация приостановлена. Толкует, будто какой-то ясновидящий сказал на встрече Нового года в «Доме литераторов»⁴: «Я никогда ничего не говорю о политике и теперь скажу только одно – что в [19]21 году все внезапно кончится». – Неужели мы в самом деле доживем до нормальной, человеческой обстановки? Ведь во время Франц[узской] революции было все: и страшная дороговизна, и недостаток хлеба, и отсутствие сахара и мыла, и огромные «очереди» за продуктами, и продовольственные обыски с отобранием продуктов и т.д., а ведь все это кончилось; кончится, конечно, и у нас, только бы дожить до этого!

31 дек[абря] приехала из деревни Маша: крестьяне измучены и разорены непрерывными поборами и реквизициями, терпению их приходит конец. А у Катерины был земляк из Новг[ородской] губ[ернии] и говорил, что у них ничего не отбирают и все можно провезти в П[етер]б[ург]. Я просто не знаю, к[а]к согласовать эти противоречивые рассказы.

С.Ф. прочел в какой-то газете (кажется, «Руль»⁵ⁱⁱ), что с о[строва] Лемноса эвакуирована в Сербию масса русских беженцев, 2 русск[ие] гимназии (одна из них Ив[ана] Ив[ановича] Лаппо – в Нише) и высшая русская школа – сколько же там было русск[их] беженцев?⁶ Много русских перевезено также, по словам этой газеты, в Каир и Алжир. Где-то наши?

9 / 22 янв[аря]. По городу усиленно говорят (и это будто бы даже напечатано в красных газетах), что весной коалиция из Франции, Англии и Германии с Фошем, Гофманом или Людендорфомⁱⁱⁱ во главе начинает поход против большевиков, с к[ото]рыми решено покончить, т[ак] к[ак] теперь-де Зап[адная] Европа поняла всю реальную опасность для себя от большевизма.

ⁱ 40 % вставлено на полях вместо зачеркнутого ½.

ⁱⁱ На правом поле напротив текста карандашом ?

ⁱⁱⁱ Фамилии предполагаемых командующих вписаны позже.

Топлива в городе мало; в газетах уже напечатано о приостановке работ на многих крупных заводах (Обуховском, сталелитейном и др.)⁷ – по одной версии на 4 дня, по другой на неделю, по третьей – до подвоза топлива. Уже объявлено, что жителям П[етер]б[урга] будет даваться только ½ обещанного количества дров (т.е. не 3 пуда, а 1½ п[уда] в месяц). Даются не дрова, а лом от разрушаемых домов. На днях Як[ов] Ив[анови]ч (б[ывший] повар Бутлеровых) рассказал С.Ф.-чу, что при сломке большой деревянной дачи в Ст[арой] Деревне верх рухнул и задавил 10 человек: 3 оказались убитыми на месте, 7 увезли в больницу. Присутствовавший при этой катастрофе красноармеец передавал Саше, к[а]к вела себя при этом публика: вместо того чтобы откопать засыпанных, помочь им, публика спешила, пользуясь происшедшим смятением, нахватать и нагрюзить на свои санки к[а]к можно больше лому и поскорее увезти. Совсем озверели люди! Говорят, ни одна сломка дома не обходится без человеческих жертв, и окружающие часто даже не замечают этого: так все торопятся схватить побольше и получше бревен и досок.

Вчера В[ера] К[онстантиновна] Петрова сообщила очень печальные вести о Введенских, к[ото]рых она навестила: Мария Ил[ьинич]на лежит давно в постели; Ал[ександр] Ив[анович] бродит с трудом по комнатам, страдая от голода и холода; у него грудная жаба; прислуги у них нет; живущая по одной лестнице с ними Зин[аида] Ал[ександровна] на днях ждет третьего ребенка и не знает, куда на это время поместить своих¹ 2 детей, т[ак] к[ак] ее муж болен воспалением легких; деньги у Вв[еденски]х есть, т[ак] к[ак] Ал[ександр] Ив[анович] продал свою библиотеку, но никто из них не может искать и покупать продукты; Ал[ександр] Ив[анович] умолял Веру К[онстантиновну] найти им яиц за какую угодно цену. У них был недавно проф[ессор] П[етр] В[асильевич] Троицкий и посоветовал обоим лечь в клинику. С.Ф. позвонил, узнав об этом, к Тр[оицко]му и узнал следующее: М[арии] Ил[ьинич]не, для определения ее болезни, нужно подвергнуться систематическому обследованию; П[етр] В[асильевич] предполагает у нее или скрытую форму туберкулеза, или злокачественное малокровие. Ал[ександр] Ив[анович] очень не понравился Тр[оицко]му (к[ото]рый дважды с ударением повторил это) – такие у него изменения в сердце; ему лучше быть в клинике, чем дома, чтобы лежать спокойно. П[етр] В[асильевич] говорит: он думает читать лекции, но это ему не удастся. – Перевезут ли их в клинику (Тр[оицкий] это им предложил, но согласия их на это еще не имеет), и если перевезут, то куда именно, об этом Тр[оицкий] обещал известить нас.

Завтра ½ года со смерти Б[ориса] Ал[ександровича] Тураева⁸; мы с С.Ф. собираемся на заупокойную обедню, а оттуда хотим зайти к Вв[еденски]м.

12 / 25 янв[аря]. Погода в субботу была такова, что С.Ф. не мог дойти до Бассейной, где в «Доме литераторов» должен был прочесть публ[ичную] лекцию («Реабилитация Бориса Годунова»). Он вышел с Ниночкой и мог только обогнуть наш дом: сильнейший снежный вихрь, везде глубокие сугробы. Лекция перенесена на среду и за С.Ф. пришлют лошадь. Наташа вернулась в воскресенье утром от Корниловичей (с Понтонной) и шла пешком

¹ своих вставлено над строкой.

(теперь все так делают, п[отому] ч[то] кроме собственных ног нет никаких способов передвижения). Она говорит, Невский пр[оспект] был так занесен снегом, что трудно было перебираться с одной стороны его на другую – точно в глухой деревне. Вообще барометр делает поразительные скачки. Говорят, директор Пулковской обсерватории Иванов делал где-то сообщение, объясняя это выпрямлением оси земного шара; теперь-де следует ожидать очень жаркого марта, а затем раннего, сухого и жаркого лета. Посмотрим.

Трамваи не ходили в субботу (годовщина 9-го янв[аря] 1905 г.) и в воскресенье; рельсы так занесло, что они не могли ходить и вчера, а сегодня еле-еле ходили утром. А[лександр] Ант[онович] Смуров, со слов трамвайных инженеров, утверждает, что с 1-го фев[раля] они будут ходить по-старому, т.е. до 6 ч[асов] вечера. Положение служащих, живущих далеко от места своей службы (к[а]к мы), ужасно. Вдобавок ко всему на днях уничтожены пригородные поезда на Никол[аевской] и Сев[ерной] (кажется, еще на каких-то) ж[елезных] д[орогах]: нет топлива.

По городу ходит рассказ, будто Ленин на вопрос, чем же это кончится, ответил: «Вы знаете наш девиз – молот и серп – им и кончится – в обратном порядке, то есть престолом».

Кареев тоже (к[а]к и Ал[ександр] Ив[анович] Введенский) продал свою библиотеку и получил за нее 1 000 000 р[ублей]⁹.

Вчера М[ария] С[еменовна] Галанина сообщила, со слов приехавшего сюда в чухотке из Крыма ее внука П[авла] Вл[адимировича] Штукенберга, что Наденька, Боря и Дудуся были в Симеизе, потом в Ялте; в начале лета Боря благополучно (только голова облезла) перенес сыпной тиф; денег у них было много, т[ак] к[ак] Боря занимался торговыми оборотами (?) по всему побережью и за границей. Потом они были в Севастополе и, вероятно, уехали за границу.

13 / 26 янв[аря]. На днях С.Ф. получил повестку с приглашением профессоров на какое-то частное совещание в ун[иверсит]. С.Ф. туда не пошел, а Пресняков и Цызырев пошли; последний говорит: пожалел, что пошел; дураком пошел, дураком и ушел: профессорам предложено было обсудить и подписать выработанный каким-то кружком (к[а]к потом оказалось, кадетами) текст ответа профессоров большевикам, к[ото]рые месяца 2 тому назад обратились с воззванием к профессорам¹, приглашая их работать на пользу коммунизма и насаждать его в высшей школе. Говорят, выработано было несколько редакций ответа, между прочим, Карсавиным и Кареевым; редакция последнего и была принята все тем же кружком и в готовом виде предложена остальным профессорам. Кареев защищал ее против возражений, Зелинский произнес целую речь – к[а]к всегда – по всем правилам ритор[ического] искусства, – говоря, что ответить больш[евика]м нужно хотя бы ради того, что этого ждут от русск[их] профессоров заграничные профессора. (Цызырев из этого заключает, что все дело именно в этом, что этот «Ответ» чуть ли не заказан из-за границы через Зелинского, только что оттуда вернувшегося.) Карсавин сказал, что «нужно же наконец скрестить с ними (большевиками) шпаги». На это Дм[итрий] К[онстантинович] заметил, что «порядочному человеку не со всяким можно скрестить шпагу», и ушел, не подписав «Ответа». Так

¹ Далее в тексте зачеркнуто убеждая.

же поступили и Цызырев с Пресняковым. Ц[ызырев] говорит: это – прежняя тактика кадет и кадетоидов: за спиной товарищей-проф[ессору]в решить дело со «своими» и в готовом виде поднести другим для утверждения. «Они ничего не забыли и ничему не научились»¹⁰, – говорит Ц[ызырев]. Любопытно сравнить его слова с наблюдениями над унив[ерситет]ской жизнью Б[ориса] А[лександровича] Романова: в унив[ерсите]те по-прежнему сильны к[а]д[еты], хотя им и приходится пока работать втихомолку. Они свято хранят заветы Д[авида] Гримма (уехавшего за границу)¹¹, усиленно тянут «своих» и устраняют «чужих»; этим объясняются, вероятно, успехи в ун[иверсите]те, напр[имер], Недзвецкой, отец к[ото]рой, кажется, был довольно видный к[а]д[ет]¹²; у нее самой никаких ученых заслуг нет, даже, кажется, ни одной порядочной статьи. С другой стороны, не от этого ли потерпел здесь fiasco Н[иколай] К[ирьякович] Пиксанов, недавно приехавший сюда из Саратова и очень желавший остаться здесь? Ведь после смерти Шляпкина, Шахматова и Венгерова по этой кафедре никого не осталось, кроме разной мелкоты вроде Истриной, Абрамовича, Ильинского¹ и т.п. Правда, у Пиксанова нет ученой степени (вероятно, поэтому Дм[итрий] К[онстантинович] не стоял за него), но ведь он – живой, постоянно работающий человек, вокруг к[ото]рого всегда были работающие ученики и ученицы.

С.Ф. не бывает теперь в заседаниях факультета и Совета из чувства нек[ото]рой брезгливости; ему претит присутствие в них ассистентов, лаборантов и представителей студенчества. Дм[итрий] К[онстантинович] говорит, что среди этой массы постороннего народа «старые» профессора совсем теряются. С.Ф. не любит даже говорить об этом: ему слишком больно.

Интересны впечатления Маруси от теперешней унив[ерситет]ской аудитории: состав ее так юн и так мало подготовлен к высшей школе, что последняя превращается в какой-то VIII класс гимназии, ныне в гимназиях уничтоженный; поэтому теперь в унив[ерсите]те гораздо более уместны такие юные¹³ преподаватели, к[а]к бр[атя] Жирмунские¹³, та же Недзвецкая и т.п., чем такие серьезные профессора, как Гревс, Дм[итрий] К[онстантинович], С.Ф. и т.п.

Сегодня Григорьев (юрист, читающий в ун[иверсите]те) рассказывал Ниночке о своих ученицах по унив[ерсите]ту: слушают, записывают, хотя часто потом сами не понимают записанного; совсем дети; одна поговорила со мной, потом поблагодарила и сделала книксен, я ее по головке погладил – и т.п.

В «Правде» появилось перепечатанное из другой газеты сообщение о том, что Людендорф предлагает союзникам план похода на Москву, главное гнездо большевизма, к[ото]рый-де м[ожет] б[ыть] искоренен только вооруженной силой, т[ак] к[ак] большевики никогда не распустят армию, свою единственную опору. (По словам М[ихаила] П[авловича] Соколова, демобилизация сейчас идет полным ходом). Чтобы справиться с большевизмом, грозящим гибелью всей Европе, необходима армия в 1 300 000 чел[овек]¹⁴. На многие размышления наводит это известие.

Сейчас С.Ф. уехал читать лекцию в «Дом литераторов». Мы настаиваем, чтобы отныне он соглашался читать лекции только с условием, чтобы за ним

¹ Ильинского вставлено над строкой.

¹³ юные вставлено над строкой.

присылали лошадь: ведь и без того ему приходится невероятно много ходить днем – нельзя же в 60 л[ет] еще и вечером делать пешком большие походы по почти не освещенному городу, в мороз и при глубоком снеге!

15 / 28 янв[аря]. Лекция С.Ф. прошла хорошо; за ним приехали и отвезли его обратно; это стоило «Дому литераторов» 12 тыс[яч] р[ублей]. Кучер был очень корректен и даже называл С.Ф-ча «Ваше превосходительство»!

Вчера впервые за весь месяц выдали по столовым карточкам сухие продукты взамен обеда – 2 ф[унта] мороженого сазана (З[инаида] Н[иколаевна] получила 2 ф[унта] воблы) и карточки отобрали совсем; дадут еще по 1 ф[унту] крупы, но уже на хлебную карточку – и это все «сухие продукты», к[ото]рые должны заменить обитателям города обед; и говорить после этого, что советское правительство кормит население! И стоило ли печатать столовые карточки, когда бумаги и рабочих рук так мало, раздавать их, надписывать, прикреплять и т.д., чтобы выдать по ним всего-навсего 2 ф[унта] рыбы!

21 янв[аря] / 3 февр[аля]. Сильные морозы (сегодня утром 16½°); с топливом в городе кризис; по карточкам временно прекращена выдача дров; в вольной продаже сажень стоит 40 000 р[ублей] без доставки. С хлебом тоже туго: по карточке А (к[ото]рую с 1-го янв[аря] выдали почти всем) вместо 1 ф[унта] в день дается только ½ ф[унта]. Всем хозяйкам люди опытные советуют сушить хлеб, п[отому] ч[то] может внезапно наступить настоящий продовольственный кризис.

Наконец, в понедельник (18 / 31 янв[аря]) от Верочки пришло письмо из Читы от 13 / 26 дек[абря]: у Татуси скарлатина и корь повлекли за собой много осложнений, под конец было воспаление околосоердечной сумки, бедная девочка была при смерти, но теперь поправилась. В Чите им недурно, но жизнь очень дорога, т[ак] к[ак] 1000 р[ублей] советских = 10 коп[еек] валюты.

Когда Щербаткой уезжал за границу, президент Академии наук Карпинский просил его купить и выслать ему две книги по геологии; теперь Щ[ербатской] пишет из Стокгольма, что книги он нашел, но не приобрел из-за цены: они стоят 50 крон (за 2 книги), что = 100 100 р[ублям] советским. Щ[ербатской] посетил в Ст[окгольме] какого-то профессора, знакомогоⁱ Карпинского; тот спрашивает, жив ли К[арпинский]? – Жив. – Значит, он большевик? – Нет. – Как же он жив? Ведь мы слышали, что в России истреблены все не-большевики. – Еще вернулся из-за границы д[окто]р Неменов (рентгенолог), говорит, что там серьезно уверены, что в России от голода едят чело[веческое] мясо; и еще Н[еменову] рассказывали там, будто наш знаменитый И[ван] П[етрович] Павлов (физиолог) от нужды продает спички на улицах П[етер]б[урга]¹⁵ и т.п.

Кстати, о Павлове: после своих лекций «Об уме», где он так громил теперешний режим¹⁶, он чуть ли не попал под надзор или на замечание. Затем он писал, кажется, Ленину, что, т[ак] к[ак] он желает работать, а работать в России при теперешней обстановке нельзя, он желает уехать за границу; ему ответили будто бы, что не могут его выпустить, т[ак] к[ак] он слишком известен за границей и слишком высказывается против сов[етского] режимаⁱⁱ, но что здесь устроят ему все нужное для работы по его указаниям. Он ответил будто бы, что не может согласиться на это, раз его товарищи по науке и вообще другие русские ученые

ⁱ Далее зачеркнуто нашего.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто Так его и.

не пользуются такими льготами, какие предлагаются ему¹⁷. Затем он продолжал все время высказываться против больш[евиков]в и, начиная текущий акад[емический] год, в своей вступительной лекции 2 часа громил их. Недавно в газетах напечатано официальное сообщение о том, что Павлову, за его особые заслуги, дается, к[а]к и его жене, особый исключительный паек, его сочинения должны быть роскошно напечатаны на госуд[арственный] счет и право собственности на них передается ему, к[а]к и право собственности на его квартиру и вещи и т.д.¹⁸ Толкуют это так: недавно здесь были шведские (или норвежские? вообще какие-то иностранные) врачи, к[ото]рые привезли сюда транспорт лекарств; они посетили Павлова, и он будто бы опять сильно ругал сов[етскую] власть, так вот будто бы больш[евики]ки еще раз делают попытку купить его¹⁹. Интересно знать, примет ли он все эти «милости».

За границей тоже, по-видимому, нелегко жить; так пишут все, уезжающие туда. Браун писал своему ученику Бриму: «Das Lied, das ich zu singen habe, ist kein fröhliches»: иностранцы нам очень сочувствуют, но платонически; когда дело касается заработка для русских, его им находить трудно; Брауна, напр[имер], выбрали на кафедру, но не штатным проф[ессором], с жалованием, а почетным, без жалованья, т[ак] ч[то] ему приходится искать заработка; а ведь ему это нелегко, т[ак] к[ак] он уехал за границу после тяжкой болезни и ему одно время было запрещено читать лекции (из-за горла).

М[ария] Ил[ьинична] Введенская скончалась. Умер также профессор Карпинский (невропатолог), beau-frère И[вана] А[ндреевича] Блинова и Рамишевского. Последний рассказал С.Ф-чу, со слов покойного Карп[инско]-го, что он в течение 20 лет имел возможность наблюдать Николая II и Ал[ександр]у Ф[едоро]вну, подробные записи свои об этом он боялся держать дома и куда-то их запрягал; родным очень хочется теперь найти их. Николая II он считал человеком ненормальным.

С.Ф-чу передавали, что по статист[ическим] данным за 1920 г. смертность в П[етер]б[урге] = 112 чел[овек] на 1000; в Германии до войны умирало 12 чел[овек] на 1000, а в нынешнее тяжелое время – 24 чел[овека]²⁰.

23 янв[аря] / 5 февр[аля]. Сегодня похоронили М[арию] Ил[ьиничну] Вв[еден]скую. Какие убогие похороны и как жалок Ал[ександр] Ив[анович]!

С.Ф. говорит, что сегодня в заседании Академии наук И[ван] П[етрович] Павлов непрерывно извергал хулу на больш[евиков]в²¹. Говорят, он отказался от всех их «милостей».

По городу идут разные страшные слухи: что чуть не все пайки уничтожаются, что предстоит ужасный голод, что в Москве уже уничтожены паек ученый и Совнархоза, что топлива ни на что не хватает, что уже прекращено движение по 18 второстепенным железнодорож[ным] линиям, что выезд из П[етер]б[урга] не допускается совсем, даже по командировкам, что демобилизация производится самым усиленным темпом, п[отому] ч[то] армию нечем кормить, не во что одеть и обуть и т.п. Я не особенно верю всему этому, но призраки возможного голода все-таки несколько пугает.

В Ак[адемии] наук нужно провести второго русского историка. С.Ф. назвал было Н[иколая] П[етровича] Лихачева, но сочувствия не встретил: 1) он

¹ Песня, которую я должен петь, не весела (нем.).

рептилен, всю жизнь лнул к великим мира сего, а с своими сверстниками и сотоварищами по науке не знался, 2) его находят уже не работоспособным, а в Академии нужны работающие люди. В результате в III отделение Ак[адемии] н[аук] (историческое) пройдет, вероятно, моск[вич] М[ихаил] М[ихайлович] Богословский²², а Лихачева, кажется, хотят выбрать во 2-е отд[еление] (русского) языка и словесности), где сидел Бестужев-Рюмин (а раньше Карзин)²³.

Стоят чудные дни, холодные, но ясные, даже солнечные; деревья разубраны инеем и стоят точно кружевные; солнышко начинает понемногу пригревать – и так хочется верить, что с наступлением тепла станет легче жить!

С[ергей] Ф[едорович] Ольденбург поехал в Москву по делам объединенного Совета высш[их] уч[ебных] заведений, а его оттуда неожиданно увезли в Ригу для участия в мирных переговорах²⁴.

Говорят, Людендорф (в своей книге или статье) признает самой большой ошибкой своей жизни то, что он способствовал насаждению в России революции и коммунизма; говорят, он называет даже, какие суммы он на это тратил²⁵.

30 янв[аря] / 12 февр[аля]. В городе очень резко ухудшилось продовольственное дело; по-видимому, катастрофа с жел[езными] дорогами; говорят, уже в газетах сообщено, что на 31 линии жел[езных] дорог движение совсем приостановлено²⁶. Почти везде выдача хлеба уменьшена вдвое; цены на продукты сразу подскочили: хлеб 1200–1300 р[ублей] за фунт, картофель 650–800 р[ублей] за ф[унт], свинина 9000 р[ублей] – кому это по средствам? З[инаида] Н[иколаевна] недавно купила зайца за 12 000 р[ублей] и находит, что это недорого. Зубную щетку ей достали за 3800 р[ублей]. Молоко стоит 700–1200 р[ублей] за бутылку. С топливом тоже очень плохо, и в связи с этим предполагено давать электричество только на 2 часа: одним районам [в] 7–9 ч[асов], другим [в] 9–11 ч[асов] вечера. Иногда становится прямо жутко.

Сейчас вернулся домой С.Ф.: Чиркин сегодня вернулся со своим вагоном из Москвы совершенно измученный: они ехали до Москвы двое суток, выехали отсюда вместо 1 ч[аса] ночи в 6 ч[асов] у[тра], п[отому] ч[то] паровоз ходил за дровами за 17 верст; в дороге они очень страдали от холода, п[отому] ч[то] дров для их вагона почти не давали. Паровоз топили совсем сырыми дровами, поэтому поезд шел иногда не больше 1½ в[ерсты] в час. Теперь в Москву будет ходить только 3 раза в неделю почтовый поезд. Вся Грязи-Цариц[инская] ж[елезная] д[орога] в руках Антонова. Южнее Курска поезда не идут: служащий в Арх[ивном] вед[омстве] Бродский поехал было в Крым, но доехал только до Курска, откуда поезд немедленно отправили обратно на север, так как стало известно, что Белгород в руках Махно²⁷. Из Крыма поезда ходят не часто, и всегда впереди цепи пассаж[ирских] поездов идет, в виде охраны, бронированный поезд с пушками и пулеметами; переезд от Харькова до Крыма совершается в 2–3 недели (так только что приехал оттуда акад[емик] Палладин). Шедший до них поезд был остановлен и ограблен; были убитые и раненые. По словам Чиркина, в Москве хуже, чем здесь, и в смысле продовольствия, и в смысле настроения: хлеб 1300–1400 р[ублей] за ф[унт], рж[аная] мука 60 000 р[ублей] за ф[унт], на улицах грабят, топлива нет. Ужасны рассказы о продовольственном кризисе в Зап[адной] Сибири: в область Алтая постепенно набралась масса переселенцев из Европ[ейской] России (по данным б[ывшего] переселенч[еско]го упр[авле]ния, около 120 000

чел[овек]), что совершенно расстроило тамошнее хозяйство, начался голод, в нек[ото]рых местах озлобленное голодом население обезглавило комиссаров по продовольствию и головы их отправило в Барнаул: присылайте других комиссаров, с ними сделаем то же, если они не будут лучше.

Какой-то знакомый Ч[ирки]на, принимавший участие в правительстве Врангеля, приехал сюда: эвакуация Крыма продолжалась 2 месяца и началась, когда стало известно, что Польша ведет переговоры о мире. Из Крыма уехали решительно все, кто хотел, и вывезли решительно все, что находили нужным; 70 000 прекрасно одетых и снаряженных солдат, 24 военно-полевых¹ лазарета, продовольствие на 8 месяцев; близ Чатарфруя выстроены бараки, в них зимуетⁱⁱ эта армия, кормится вывезенными из Крыма запасами и содержится на средства франц[узского] прав[итель]ства²⁸. Там сам Врангель, с ним Кривошеин, Риттих и др. – Весь Юг ждет весной оккупации. Недавно приехавший из Киева Селюк определенно говорит, что Украина ждет нем[ецкой] оккупации на 15 лет.

У всех впечатление быстро надвинувшейся катастрофы. На заводах и фабриках волнения и митинги. О[льга] А[лександровна] Каш[еринино]ва, хлопота о реквизируемых у нее вещах, была в Исполкоме и слышала случайно разговор тамошних служащих, что такого острого и опасного момента, к[а]к сейчас, не было даже во время наступления Юденича, что Красную армию приходится посылать не на фронт, а на фабрики и заводы, против рабочих. – Рассказывают, что демобилизованные солдаты нередко замерзают на пути домой – так они раздеты, разуты и голодны. В довершение всего последние дни стоит очень плохая погода: вьюга снежная, все дороги занесло, везде снежные сугробы.

Сегодня мы получили два письма от Верочки от 10 и 17 янв[аря]ⁱⁱⁱ: наша милая Татуся опять хворала (паратиф²⁹), а главное – у нее после скарлатины неблагополучно с сердцем и нужно очень следить, чтобы не образовался хронический порок сердца. Бедная Татуся^{iv} и бедная Верочка! Так хочется надеяться, что все у нее обойдется хорошо.

8 / 21 фев[раля]. Со всех сторон идут слухи о предстоящей в марте или вообще весной интервенции Германии в наши дела; ей за это обещают будто бы вернуть нек[ото]рые из ее колоний, а по другой версии – дать что-то из польских земель. Какой-то знакомый Бутлеровых, только что приехавший из-за границы, говорит, что в Берлине расклеены воззвания, приглашающие добровольцев к походу на Москву. В «Times» будто бы помещены такие же воззвания от имени вел[икого] кн[язя] Николая Ник[олаевича]³⁰. Кто-то приехавший из Риги рассказывает, что у Данцига собираются войска против России, что почетным вождем их называют вел[икого] кн[язя] Ник[олаевича] Ник[олаевича], а фактическим Людендорфа³¹ и т.д. С.Ф. недавно в Ак[адемии] наук слышал, к[а]к вице-президент Стеклов, заканчивая рассказ, начала к[ото]рого С.Ф. не застал, сказал: «Мы говорим немцам, что с удовольствием вам это дадим, но как вам это доставить? А они в ответ: “Весной мы придем и сами все возьмем”».

¹ На левом поле напротив текста карандашом ?

ⁱⁱ На правом поле напротив текста карандашом ?

ⁱⁱⁱ В тексте 20-го и 27-го исправлено на 10-го и 17-го. 10-го и 17-го также написано на полях.

^{iv} На левом поле напротив текста карандашом Проф[ессора] Психа.

Ак[адемик] Щербацкой, по-видимому, совсем прожился в Швеции и намерен вернуться обратно сюда: чтобы доехать до Англии, нужен 1 000 000 р[ублей] советскими деньгами. Трудно сейчас русским ездить за границу.

Б[ывший] обер-гофмаршал Бенкендорф доказал, что он – лифляндский дворянин, и получил разрешение уехать за границу, доехал до Нарвы, заболел сыпным тифом и умер. – Б[ывший] министр двора Фредерикс на том же основании может уехать, но с ним его дочь Воейкова, ей уехать не позволяют, к[а]к русской подданной, а муж ее за границей; тогда она заявила, что разводится с мужем заочно (это теперь можно), стала опять Фредерикс, т.е. лифл[янд]ской дворянкой, получила, к[а]к таковая, разрешение на выезд за границу и уезжает за границу к мужу. – М[ария] П[етровна] Хлыновская пишет сыну из Ревеля, что начинает понемногу устроиваться там, с большим трудом нашла себе маленькую комнату (там все переполнено) и платит за нее 15 000 р[ублей] в месяц.

В субботу (6 / 19 фев[раля]) в унив[ерсите]те к С.Ф-чу обратился студент, к[а]к оказалось, сын профессора Боголепова с вопросом, как С.Ф-чу удалось отказаться от поездки в Ригу для участия в мирных переговорах? Его отца увезли туда и вот несколько¹ месяцев не отпускают оттуда; он живет в хорошем отеле, пользуется всеми удобствами, но делать ничего не приходится. Иногда ему удается писать сюда. Поляки никакого мира не заключают, а, напротив, обучают своиⁱⁱ войска, им постоянно подвозят военное снаряжение, танки и т.п.

На днях Миша узнал в своей центр[альной] военной лаборатории, что их главный начальник Ипатьев (химик, академик), в компании с кем-то, задумал устроить какие-то курсы для приготовления кашеваров для Красной армии, съездил в Москву, выхлопотал 80 пайков для этих еще не существующих курсов, начал немедленно получать их сполна и делить их между 4 компаньонами (он и еще трое) «по ночам», к[а]к рассказал Мише служащий в лаб[орато]рии мальчишка. Это разгласилось, и в каком-то заседании один из служащих в центр[альной] лаб[орато]рии прямо в лицо бросил Ипатьеву упрек: «О нас Вы не думаете, мы до сих пор без пайков, а для себя сейчас же сумели выхлопотать 80 пайков» и т.д. И он будто бы только и ответил: «Кому какое дело, где и какие пайки я получаю?» В pendant к этому: многие профессора-естественники нажились за это время, спекулируя спиртом, солью, керосином и т[ому] подобными продуктами, к[ото]рые они могут доставать через лаб[орато]рии. Особенно скомпрометировали себя профессора Психоневрол[огического] инст[иту]та (так называемого «Психа»); нек[ото]рые из них арестованы; рассказывают, будто у одного из них при обыске нашли в подушке или под подушкой 60 миллионов рублей. Какая деморализация и в какой среде!

В городе очень трудно с продовольствием, особенно с хлебом; говорят, было несколько случаев, когда останавливали автомобили с хлебом для кооперативов и грабили хлеб. Будто бы даже просто отнимают хлеб у прохожих, если те несут его явно. Наборщики из Сашиной типографии на днях не получили из своего кооператива хлеба, п[отому] ч[то] автомобиль с хлебом для него был остановлен на Обв[одном] канале голодными солдатами и хлеб унесен.

ⁱ На левом поле напротив текста карандашом ?

ⁱⁱ свои вставлено над строкой.

Была я в пятницу (5 / 18 февр[аля]) в клинике у Ал[ександра] Ив[ановича] Введенского – он очень плох: после смерти жены он простудился, перенес инфлюэнцу, а потом воспаление легкого в неблагоприятной форме; это сразу ухудшило состояние его сердца, и теперь врачи дают ему максимум 2 месяца жизни. В субботу (6 / 19) он должен был переехать в квартиру Л[идии] Ст[епановны] Павловской (вот верный друг!), т[ак] к[ак] в клинике очень холодно (сначала было 12°, потом все меньше, при мне только 6½°).

Сегодня унив[ерситет]ский день (8 февр[аля]), а праздник совсем не ощущается: не до того. С.Ф. с Мишей уехали в докторский клуб, где С.Ф. читает лекцию о Павле.

Недавно Миша слушал в унив[ерсите]те лекцию Тарле и говорит, что минутами буквально становилось страшно слушать, к[а]к вокруг России разные страны (особенно Англия и Америка) грызутся, каждая за свои интересы, а до России никому дела нет. О Германии Тарле сказал: «Бывают несчастья такие ужасные, что те, на кого они обрушились, даже не могут обнять умом всех размеров своего несчастья – таково несчастье, постигшее Германию: ее нет и помочь ей нельзя». – А кто в этом виноват и что чувствует теперь Вильгельм?

13 / 26 февр[аля]. Вот уже несколько дней в городе очень беспокойно; он объявлен на осадном военном положении; третьего дня, по слухам, на Вас[ильевском] о[строве] стреляли из пулеметов. Движение началось, по-видимому, на Трубочном заводе и фабрике Лаферм. На первом несколько дней тому назад чуть ли не побили приехавшего туда для разговоров с рабочими Анциловича; по одной версии, его заставили идти с завода без шапки и пешком («у тебя сапоги лучше наших»), а автомобиль его угнали, сняв с него предвзвительно шофера; по другой версии, с Анц[иловиче]м хотели покончить, взорвав автомобиль вместе с ним, но его спас шофер, сразу увезший его³². По-видимому, на помощь солдат против рабочих не надеются и посылают вместо них курсантов. Чермоев и Рамишевский, читающие на каких-то военных курсах, уже третьего дня не могли прочесть своих лекций, п[отому] ч[то] на курсах все занятия прекращены. В четверг вечером за С.Ф. должны были прислать лошадь с курсов на Б[ольшой] Спасской для чтения лекции – и не прислали, очевидно, по той же причине. Вчера лаборант Бергман говорил Мише, со слов своего брата-курсанта, где-то на Выб[оргской] ст[ороне], что все эти ночи дежурный взвод их курсов спит, не раздеваясь, с винтовками у кровати; в рабочих стрелять они будто бы ни за что не будут, но если те начнут сами стрелять в них или бросать камнями, они ответят. Говорят, будто кое-где движением рабочих руководят матросы, будто ожидают здесь кроншт[адтских] матросов.

В полках тоже беспокойно. Рассказывают, будто недавно в Петрокоммуну³³ явились избитые солдатами командир и комиссар одного из полков и взмолились: накормите наших солдат, а то они вот что с нами делают; будто в одном из полков у взбунтовавшихся солдат ночью унесли сапоги – и они успокоились. Вчера с утра, говорят, рабочие ходили по фабрикам и заводам и прекращали работы. Сегодня с утра трамваи не ходят, но сейчас (2-й час дня) к[а]к будто пошли. Пузинский (из Главархива) сам видел третьего дня на углу Гороховой улицы и Адмир[алтейской] площади манифестацию с большим плакатом: «Да здравствует свободная национальная Россия!» –

Как все это напоминает дни, предшествовавшие перевороту! Говорят, что все это – работа с[оциалистов]-р[еволюционеров], что уже в городе идут аресты и обыски. Вчера вечером Луиза Ив[ановна] предупредила нас, со слов Танковой, будто и в наш дом явятся [в] эту ночь для обысков, но ночь прошла спокойно.

Третьего дня мы получили для прочтения копию напечатанного в «La cause communiste» Бурцева³⁴ разговора с генералом Гофманом (подписавшем в Бресте мирный договор с сов[етским] правит[ельство]м): вмешательство иностранцев в русские дела необходимо, если Европа не желает сама погибнуть от пропаганды коммунистов; все дело в том, чтобы справиться с 3000 комиссаров, остальные примкнули к ним, к[а]к бараны. – Интересно прямое признание Г[офма]на, что Германия в свое время пропустила Ленина и К° в Россию и субсидировала их с целью разложить русский фронт; цель была блестяще достигнута, но затем последовало то, чего они не ожидали. Г[офман] говорит: «Кто бы ни стал во главе войск против России, без Германии не обойтись, п[отому] ч[то] благодаря войне мы прекрасно знаем Россию». – А какие ужасные подробности о крымских беженцах! В какой обстановке они переправлялись за границу!

15 / 28 февр[аля]. Затихает или разрастается движение, не разберешь. В субботу вечером Тарле сказал С.Ф.-чу: «Идет тем же темпом». Ходили слухи, будто на вчерашний день был назначен штурм Смольного, к[ото]рый будто бы окружен пулеметами и башкирскими или китайскими отрядами, т[ак] к[ак] на русских солдат нельзя положиться, – но это, по-видимому, вздор. Вчера (в воскресенье) почему-то были разогнаны все рынки. Вечером Ниночка видела у Несл[ухов-ски]х какого-то б[ывшего] генерала, имеющего отношение к военным курсам во II корпусе: на курсах он сам видел большие плакаты с надписью: «Бей жидов, спасай Россию». Когда курсантов отправляли на фабрики и заводы против рабочих, то, давая им оружие, давали очень много патронов; когда кто-то выразил удивление: зачем так много? – ему ответили: темⁱ лучше для противоположной стороны. Действительно, курсанты будто бы добровольно отдавали все оружие и патроны рабочим и вернулись безоружными. По словам того же генерала, на курсы явилось несколько кроншт[адтских] матросов, потребовали себе автомобиль, чтобы объехать курсы, фабрики и заводы и выяснить, правда ли, что кто-то осмелился стрелять в рабоче-крестьянскую толпу, а затем поезд для возвращения в Кр[оншта]дт; если эти требования не будут выполнены, все кр[онштад]ские матросы явятся сюда. Все было выполнено³⁵. Говорят, рабочие выставляют 4 требования: 1) долой коммуны, 2) свобода торговли, 3) свобода трудаⁱⁱ (т[о] е[сть] чтобы рабочие не были прикреплены к фабрикам и заводам)ⁱⁱⁱ, 4) созыв Учред[ительного] собрания.

16 фев[раля] / 1 марта. Вчера к вечеру нек[ото]рые начали уверять, что движение затихло, т[ак] к[ак] рабочим обещано много льгот: разрешение провозить по жел[езной] дор[оге] продукты, усиление пригородного движения, роспуск трудовой армии, возобновление в близком будущем работ на заводах, увеличение пайка и т.д. Так ли это, неизвестно. В городе вчера по внешности все было спокойно и трамваи ходили, хотя плохо; сегодня они совсем не ходят. С.Ф. слышал вчера, что движение с Вас[ильевского] о[строва] перекинулось на

ⁱ Далее зачеркнуто больше.

ⁱⁱ труда вставлено поверх зачеркнутого передвижения.

ⁱⁱⁱ Слова т.е. чтобы рабочие не были прикреплены к фабрикам и заводам *приписаны на левом поле.*

Пет[роградскую] ст[орону]. Вместе с рабочими на Вас[ильевском] о[строве] действовали, по словам Г. Н-ча, и студенты Горного инст[иту]та. Какие-то новости услышим сегодня? Все собрания воспрещены, а Неофилол[огическое] общество собиралось в воскресенье и было многолюдно (доклад Зелинского о Грильпарцере).

На днях Катерина, идя в столовую, случайно разговорилась с каким-то мужичком, только что приехавшим из Рыбинска: ехали 10 дней, ни у кого из пассажиров не хватило хлеба; поезд шел, пока хватало дров для паровоза, потом останавливался, пассажиры шли рубить и колоть дрова, потом ехали дальше и т.д. Катерину особенно поразил этот рассказ, п[отому] ч[то] она столько раз ездила с нами отсюда в Рыбинск и обратно: выедем вечером, наутро на месте. – О[льга] Еф[имовна] Корнилович слышала от инженеров, что по Се[верной] ж[елезной] д[ороге] поезда дальше Вятки не ходят, что вся Сибирь объята движением против сов[етского] прав[ительст]ва, власть к[ото]рого повсюду свергается. Заказное письмо Верочке в Читку вчера от меня однако приняли, но дойдет ли оно?

Цены: масло и сахар 20 т[ысяч] и дороже за ф[унт], хлеб 2300–3000 р[ублей], картофель 1100–1200 р[ублей] за ф[унт], за молоко З[инаида] Н[иколаевна] заплатила третьего дня по 3000 р[ублей] за б[утьлку], яиц нет совсем, а так хотелось бы достать хоть парочку для Ал[ександра] Ив[ановича] Введенского! Миша купил себе недавно резиновые калоши (не зимние) за 65 000 р[ублей] – и это считается недорого! Зубная щетка (маленькая) обошлась ему в 3500 р[ублей]! Я купила ячневую крупу по 3500 р[ублей] и горох по 4000 р[ублей] за ф[унт]. Если бы не пайки, можно бы умереть с голоду.

На завтраке 12 февр[аля] в Конст[антиновской] гимназии многие, не съев куска пирога или не доев хлеба, заворачивали несъеденное в бумагу и уносили с собой – какая любопытная бытовая черточка.

Недавно на Сенной Ниночкина сослуживица Римская-Корсакова увидела барышню, желавшую продать 1 ф[унт] настоящего кофе за 15 000 р[ублей]; перед ней стояла женщина и давала за кофе 10 000 р[ублей]; Р[имская]-К[орсакова] дала сразу 12 000 р[ублей], барышня согласилась, но запротестовала женщина: «Я первая подошла, я и должна получить кофе». Барышня ответила: «Продаю, кому хочу; вы 20 минут торговались, а дама сразу дала цену – она и получает». Рассерженная женщина накинулась на Р[имскую]-К[орсакову]: «Надела меха (на ней котиковое пальто), да и думает, что может у других перекупать» и т.д. Проходивший мимо человек, желая заступиться за Р[имскую]-К[орсакову], сказал: «Что ты коришь ее пальто? М[ожет] б[ыть], она его украла». Какой милый способ защиты и оправдания!

2 марта / 17 февр[аля]. Вчера весь город говорил, что сторела трамвайная электр[о]станция; за весь день, действительно, мимо нас не прошел ни один вагон, ни почтовый, ни служебный. Сегодня несколько вагонов пробежало, но пассажирского движения нет. В газетах сообщается сегодня о пожаре на станции: горела нефть; машины и оборудование станции будто бы не пострадали, здание сильно попорчено. Бог знает, возобновится ли теперь трамвайное движение.

Движение среди рабочих к[а]к будто затихает. Сегодня коммунист Штерн сказал в вновь учреждаемой Комиссии по изучению истории труда, что

движение удалось ликвидировать до нек[ото]рой степени (хотя тут же упомянул, что нек[ото]рые заводы и фабрики все еще не работают). Дальше он проговорился: «Все дело в топливе, т.е. транспорте; есть надежда, что за март удастся с этим сладить, если удержится санный путь. Если же наступит оттепель и распутица, ничего нельзя будет сделать». «Что же будет тогда?» – спросили у него. Он ответил: «Крышка», т.е. гроб.

Вернулись из Москвы Ферман, Андреев (А[лександр] Игн[атьевич]) и А[лександр] С[ергеевич] Николаев, говорят, что там хуже, чем здесь; поесть негде, купить ничего нельзя, трамваи не ходят, дома не отапливаются; приходится питаться и ночевать у знакомых. С.Ф. слышал сегодня от Фермана, что и в Москве было сильное брожение среди рабочих, не только московских, но и подгородных, были многочисленные и бурные митинги, Ленина впервые освистали, Каменеву ни разу не дали говорить, мог говорить только Калинин, его одного слушали. Было большое движение в Экспедиции заготовления денежных знаков (в Хамовниках), к[ото]рая забастовала; против рабочих были посланы войска с приказом не стрелять, они и не стреляли, но коммунистическая ячейка из рабочих экспедиции стреляла из окон в забастовщиков, 1 убит, 6 ранено – это, конечно, очень взволновало рабочих. Много говорят о расколе в недрах коммунист[ической] партии: будто бы там есть оппозиционная по отношению к сов[етскому] правительству коммунист[ическая] партия, от к[ото]рой и исходит будто бы инициатива всего движения последнего времени; во главе ее называют какого-то Игнатьева (коммуниста); девиз этой партии: необходимо снести головку (т.е. Ленина и К^о)³⁶. Тронуть эту группу сов[етское] прав[итель]ство будто бы не решается, зато направо и налево арестовывает с[оциалистов]-р[еволюционеров] и¹ меньшевиков. Здесь арестован Рожков³⁷, директор Электротехн[ического] инст[иту]та Осадчий (сегодня С.Ф. уже видел его на улице, значит, его выпустили) и нек[ото]рые профессора инст[иту]та.

В Музее Революции Наташа слышала от анархистки Шакол о похоронах в Москве недавно скончавшегося там Кропоткина: находящиеся на свободе члены партии анархистов ходатайствовали перед властями о выпуске на день похорон, для присутствия на них анархистов, заключенных в тюрьмы, дав слово от лица партии, что после похорон они вернутся в тюрьму. Все так и было, но, когда после похорон они явились к тюрьме, часовой не хотел их пускать, т[ак] к[ак] не был предупрежден о таком удивительном обстоятельстве. Партия получила разрешение послать в Зап[адную] Европу радио о похоронах Кр[опотки]на, но содержание радио подверглось цензуре, и в фразе: «за арестом шли выпущенные из тюрьмы на этот день члены его партии» – слова «на этот день» были вычеркнуты!

20 февр[аля] / 5 марта. Третьего дня грянул гром, т.е. он грянул, очевидно, раньше, но мы, публика, ничего не знали. – С утра на стенах и заборах появились правит[ельственные] извещения, что в Кронштадте на «Петропавловске» бунт, во главе с ген[ералом] Козловским и несколькими офицерами, что там арестован[ы] комиссар Балтфлота Н[иколай] Н[иколаевич] Кузьмин и какой-то Васильев, что все это произошло с ведома и при поддержке Антанты, что во

¹ На правом поле напротив текста карандашом Березов.

франц[узских] газетах известие о бунте в Кр[оншта]дте появилось раньше, чем он произошел, и т.д. П[етер]б[ург] объявлен на осадном положении, на улице можно быть только до 9 ч[асов] вечера, все театры и т.п. временно закрываются, всякие собрания запрещаются, если на улице образуется скопище, в него будут стрелять и т.д.³⁸ С.Ф. слышал от ген[ерала] Лайминга (б[ывшего] воспитателя вел[икого] кн[язя] Дм[итрия] Пав[ловича]), что на военных курсах получен приказ спешно сформировать из курсантов отряд в 1000 человек и послать с саблями и пулеметами в Ораниенбаум. Вчера, говорят, на Суворовской площади на путях трамвая стоял броневик с пушками, обращенный к Петропавл[овской] крепости, где, по слухам, укрылся Зиновьев и Штаб обороны. В Кушелевку (за Лесным) велено доставить несколько паровозов, широко- и узкоколейных, «по случаю наступления неприятеля». Все эти ночи электричество горит всю ночь: говорят, по городу идут обыски и аресты. Арестована вся семья ген[ерала] Козловского (говорят, его 12-летнего сына взяли прямо из Тенишевского уч[или]ща, где он учится³⁹) и многие офицеры и т.д. Сегодня ночью в нашем доме арестован Зайончковский – уж не знаю, в качестве кого, – и искали будто бы какого-то Матвеева. Вчера было объявлено, что если хоть один волос упадет с головы арестованных коммунистов, особенно Н[иколая] Н[иколаевича] Кузьмина, то... и т.д. По слухам, ген[ерал] Козловский вовсе не организовывал бунта, что всем движением руководят магросы Турин и Петрученко⁴⁰, к[ото]рые явились будто бы к Козл[овско]му и сказали: «Ваша помощь нам нужна, т[ак] к[ак] мы знаем Вас за опытного и знающего артиллериста; если же Вы не пойдете с нами, то станете нашим врагом» – или что-то в этом роде, и он принужден был согласиться. И он, и его помощники объявлены вне закона. Вчера В[арвара] Н[иколаевна] Смирнова привезла из Петергофа известие, будто в Мартышкине морской береговой отряд ушел в Кр[оншта]дт к взбунтовавшимся. То же рассказывают о нек[ото]рых других воинских частях. Ледокол «Ермак» будто бы сделал то же и уже прочистил путь к Финляндии, со стороны к[ото]рой к[а]к будто ожидают какого-[то] наступления. По одной версии, кр[онштадт]ские бунтовщики требуют того же, чего здешние и м[осков]ские рабочие, т.е. уничтожения коммуны, разрешения свободной торговли и т.д., по другой, они не против советской власти в принципе, но требуют переизбрания всех советов, повсюду. Вчера говорили, будто Кр[оншта]дт поставил ультиматум сов[етскому] правительству и ждет ответа до 12 ч[асов] дня сегодняшнего числа, а дальше будет активное выступление⁴¹. По другой версии, ультиматум поставлен сов[етским] прав[итель]ством Кронштадту. – Вот вернутся наши со службы, принесут, вероятно, разные новости (сейчас 4½ ч[аса] дня). Погода ужасная: тает, скользко¹, мокро, ночью был сильный ветер и теперь не совсем утих. Трамваи ходили с утра, к[а]к и вчера, но, по-видимому, только до Троицкого моста.

25 февр[аля] / 10 марта. В понедельник, 7-го, началась пушечная стрельба – откуда и в кого, нельзя было понять. Срок ультиматума, поставленного Кр[оншта]дту Троцким, истекал во вторник, в 12 ч[асов] дня, а стрельба началась около 7 ч[асов] вечера в понедельник. На другой день в газетах было сказано, что стрельба началась по приказу Тр[оцко]го, за истечением срока ультиматума – ничего не разберешь⁴². Газетные сообщения неопределенны, но из них все-таки можно понять, что Кр[оншта]дт установил сообщение

¹ Сколько написано на левом поле.

с Финляндией и что продукты он откуда-то получает («продали себя за фунт масла»). По городу ходит текст выставленных Кр[оншта]дтом требований (их 15, кажется); говорят, они не выработаны, а приняты поднятием рук на большом митинге в Кр[оншта]дте, на Якорной площади, – этим-де и объясняется их разношерстность. Цызырев (сам юрист), читавший текст, находит, что он все-таки редактирован какою-то опытной рукой: с одной стороны, к[а]к будто общий тон [э]с[е]р[о]вский, социалистический, с другой – к[а]к будто что-то совсем другое. – С первых же дней Кр[онштад]тской эпопеи отсюда усиленно отсылают молодых матросов (считая их, вероятно, ненадежным элементом?) – кто говорит, в Москву, кто – на Черное море. Стрельба с перерывами продолжается все эти дни. Трамваи не ходили с воскресенья, сегодня пошли в первый раз. Мимо нас в Новую Деревню прошел вчера целый полк, по-видимому, и какие все мальчишки! По словам Изм[айло]ва, это 2-й курсантский полк был послан против Кр[оншта]дта, но вернулся с полпути, отказавшись идти дальшеⁱ. Потом скоро прошло много солдат (по-видимому, тоже полк, даже с топящимися походными кухнями) из Нов[ой] Дер[евни] обратно в город. Говорят, будто на Серафимовском кладбище поставлена батарея, но там ведь давно уже находилась зенитная батарея. Завтраⁱⁱ там будут хоронить старушку Бутлерову (вдову химика). Вчера служивший панихиду священник сказал, что видел человека, приехавшего с Удельной (вероятно, с Раздельной?)ⁱⁱⁱ: оттуда бегство, п[отому] ч[то] снаряды попадают туда.

На сегодня назначена будто бы какая-то конференция матросов и рабочих или какое-то выступление рабочих. Вчера Ю[лий] Гессен начал говорить Наташе, к[а]к бы ему хотелось, чтобы вновь учрежденная Комиссия по изучению истории труда уцелела и работала, какие бы перемены ни произошли. На замечание Наташи – отчего же нет? – он ответил: «У меня два сына коммуниста. Я знаю через них, Вы не можете себе представить, какое смятение и растерянность царят в правящих сферах, все высшие правит[ельственные] учреждения перестали работать, все их руководители не на местах». Говорят, все коммунисты мобилизованы для агитац[ионной] работы. Сотрудница Инны по культурно-просв[етительскому] отделу детской больницы совсем не ходит на службу: агитирует.

Не знаю, продолжают ли аресты. Наташа слышала, что тюрьмы уже не вмещают всех арестованных, т[ак] ч[то] в тюрьму обращены подвалы Зимнего дворца, а там такой холод!

Толкуют, будто для России уже готовы два состава правительства: [э]с[е]р[о]в-ское с Черновым в Финляндии, монархическое с Ник[олаем] Ник[олаевичем] в Эстляндии, что Н[иколай] Н[иколаевич] давно издал манифест, призывавший в Варшаву^{iv}, под его знамена, всех рус[ских] офицеров, находящихся за границей, что Дм[итрий] Павл[ович] уже в Ревеле⁴³. – Лукомский получил от своих родителей из Киева письмо: они не придут сюда и денег им не нужно присылать, п[отому] ч[то] там все уверены в скорой оккупации Украины.

ⁱ Фраза По словам Изм[айло]ва, это 2-й курсантский полк был послан против Кр[оншта]дта, но вернулся с полпути, отказавшись идти дальше *приписана на левом поле.*

ⁱⁱ *На левом поле напротив текста карандашом зачеркнуто ?*

ⁱⁱⁱ (вероятно, с Раздельной?) *приписано на левом поле.*

^{iv} в Варшаву *дописано на правом поле.*

27 февр[аля] / 12 марта. Стрельба с перерывами продолжается. Вчера была у нас молочница из Парголово, говорит, что поезда Приморской ж[елезной] д[ороги] возят только раненых, а пассажиров не берут, что в Сестрорецке снаряд попал детский приют и много детей пострадало. Сестра милосердия из кв[артир]ы № 17 в нашем доме говорит, что в их лазарет привезли много раненых курсантов. На панихиде у Бутлеровых мы видели летчика из Ораниенбаума: они оттуда с какой-то вышки наблюдали двоекратное наступление курсантов на Кр[оншта]дт: в первый раз будто бы наступало около 5000 чел[овек], уцелело только 500 чел[овек], во второй раз шли тремя колоннами около 16 000 чел[овек] и почти все погибли; их обстреляли из Кр[оншта]дта и перекидным огнем в тылу у них пробили лед, т[ак] ч[то] кто не был убит, тот тонул. Говорят, что Ораниенбаум и Сестрорецк страшно разрушены снарядами, почти все дачи снесены, вок[з]ал в Оран[иенбаум]е уничтожен, что теперь обстреливают Лахту. Из Кр[оншта]дта снаряды не долетают до П[етер]б[урга], поэтому, говорят, из дока вывели «Андрея Первозванного» (по другой версии, «Севастополь») и поставили¹ так, чтобы с него обстреливать П[етер]б[ург]⁴⁴.

Вчера ген[ерал] Измestьев говорил С.Ф-чу, чтоⁱⁱ, к[а]к он знает через сына, ученика Морского корпуса, весь М[орской] корпус повели было к Балтийскому вокзалу (в Ораниенбаум, к[а]к им сказали), но по дороге завели в какие-то казармы и плохо накормили; тогда они стали кричать: «Дашь корпус?» (т.е. обед, к[а]к в корпусе), отказались идти дальше и вернулись в М[орской] корпус. Поздно вечером сын Измestьева явился домой в походном костюме. Между прочим, по словам Измestьева, это теперь странная манера прибавлять к разным словам и фразам совершенно, на первый взгляд, бессмысленное выражение «даешь»: даешь Варшаву, даешь корпус и т.д.

За всеми разговорами по телефону следят; в служебный кабинет Изм[естье]ва на каких-то военных курсах явился техник и стал снимать аппарат, объяснил Изм[естье]ву, когда они остались вдвоем, что это делается по распоряжению высшего начальства для присоединения аппарата к дежурному аппаратуⁱⁱⁱ для подслушивания⁴⁵.

Сегодня была у нас только что приехавшая из Москвы В[ера] А[мвросиевна] Ефимовская: в Москве все спокойно, кроме истории в Хамовниках, к[ото]рая давно ликвидирована, на улицах можно оставаться до любого часа, если не бояться «прыгунцов» – так называют там грабителей, будто бы перекочевавших туда отсюда, из П[етер]б[урга], где они наряжались покойниками и в таком виде нападали ночью на прохожих. Только одно в Москве: к[а]к будто готовится еврейский погром, но об этом поговаривают и здесь.

Вчера я была у Ал[ександра] Ив[ановича] Введенского (в квартире Л[идии] Ст[ефановны] Павловской): ему гораздо лучше, и он не нахвалится уходом за ним и всей обстановкой. – Блины у Горчинских.

Недавно М[ария] С[еменовна] Майкова встретила где-то (чуть ли не у Ф[едора] Ив[ановича] Успенского) с Тарле, наскочила на него с любезностями со свойственной ей стремительностью и произвела на Тарле такое

¹ На правом поле напротив текста карандашом ?

ⁱⁱ что вставлено над строкой.

ⁱⁱⁱ На левом поле напротив текста карандашом ?

потрясающее впечатление, что он никак не может ее забыть. Он сказал вчера Наташе: «Мне не спалось, и я, между прочим, вспомнил М[ада]ме Майкову и подумал: “Как она может удовольствоваться таким мужем, к[а]к Вл[адимир] Вл[адимирови]ч? Вот если бы ее выдать за Блинова (Ив[ана] А[ндреевича]), то у них родился бы Лемке!”».

Между прочим, жена Лемке преподает в Василеостр[овской] гимназии, а 2 дочери его учатся там – это и дало ему повод написать в газеты статью о том, что низшая и средняя школа показали себя определенно контрреволюционными и потому нуждаются в коренной реформе⁴⁶ (когда было движение рабочих на Вас[ильевском] о[строве], какой-то ученик Василеостр[овской] гимназии бросил на пол портрет Троцкого и стал топтать его).

Цены: на днях я купила ржаную муку по 3500 р[ублей] за ф[унт], хлеб, говорят, продается тоже по 3500 р[ублей] за ф[унт]. З[инаида] Н[иколаевна] недавно купила курицу за 25 000 р[ублей]. Нам с ней предлагали купить зайца (правда, в 12 ф[унтов] весом) за 35 000 р[ублей] и свинину по 10 000 р[ублей] за фунт. Горох и крупа – 4000 р[ублей] за ф[унт], картофель 1000–1300 р[ублей] за ф[унт]. З[инаида] Н[иколаевна] купила недавно фунт рафинада за 29 000 р[ублей].

Пайки все отбирают. Вчера Ниночка принесла известие, что снята с пайка их Морская комиссия по изучению револ[юционного] движения во флоте. – Списки лиц, получающих ученый паек, опять пересматриваются с целью исключения лиц, не заслуживающих этого пайка, поэтому на этой неделе не выдавали ничего, кроме хлеба, и тот выдали только в конце недели. Что-то будет на следующей неделе?

А Ив[ан] П[етрович] Павлов разезжает по городу в автомобиле – принял-таки!

Одна Мишина сослуживица-лаборантка служит в Рабоче-крестьянской инспекции и имеет отношение к хлебопекарням – так она говорит, что в теперешнем хлебе 40–60 % посторонних примесей. С.Ф.-чу говорили, что целыми вагонами везут в П[етер]б[ург] мох, чтобы примешивать его к муке для печения хлеба.

На днях приехал сюда с Мурмана Б.Ал. Палевицкий: в одном поезде с ним ехала группа лиц, направлявшихся в Сибирь, в Омск; они вышли из поезда на ст[анции] Званка и там узнали, что поезда в Сибирь не ходят. А зак[азные] письма в Читту на почте принимают.

Вчера и сегодня оттепель, сегодня с утра 2° тепла.

2 / 15 марта. В воскресенье Наташа была на блинах у Ставрович и возвращалась оттуда с каким-то инженером из Эл[ектро]техн[ического] инст[иту]та, к[ото]рый ей рассказал, что видел сам матроса, явившегося сюда из Кр[оншта]дта с белой булкой и бутылкой вина в руках; по его словам, из Кр[оншта]дта легко выпускают желающих уйти, даже коммунистов (конечно, не особенно крупных?), но выпускают туда с большим трудом и разбором; его впустят, п[отому] ч[то] у него есть документ, удостоверяющий, что он из Кр[оншта]дта и ушел оттуда на время. В Кр[оншта]дт доставлено множество продуктов из Финляндии, будто бы месяца на три⁴⁷.

Сегодня с утра стрельбы не слышно. По словам Изм[естьева], на прошлую ночь (с 28 [февраля] на 1 марта) назначен был штурм Кр[оншта]дта 24-й дивизией; почему он не состоялся, Изм[естьев] вчера не знал. Опубликованы списки раненых – говорят, далеко не всех.

Вчера Н[адежда] М[ихайловна] Меринг рассказала Наташе, что произошло с ее братом: он учится в б[ывшем] Морском корпусе; их учителя и начальство – б[ывшие] морские офицеры, но комиссар по корпусу – какой-то молодой еврей, к[ото]рый до сих пор почти не появлялся в корпусе. На днях учащих в М[орском] корпусе выстроили, и¹ этот комиссар объявил им, что они будут посланы против Кр[оншта]дта, но т[ак] к[ак] начальство не желает насилловать ничьей совести, то пусть те, кто не хочет стрелять в Кр[оншта]дт, выйдут вперед: они посланы не будут; вышло 120 чел[овек], среди них 14 коммунистов (интересно, что В. Никонова, племянника С[офии] Вл[адимировны] среди них не было); их сейчас же отделили, перевели куда-то на Екатерингофский пр[оспект], где держали к[а]к арестованных, и в тот же вечер отправили в Москву; пойти домой, чтобы взять вещи и проститься с родными, позволили только двум по жребью. Н[адежда] М[ихайловна] после долгих поисков нашла-таки брата на Екате[рингофском] пр[оспекте] и сказала с ним несколько слов у ворот (внутри не пустили); брат успел передать ей заранее приготовленное письмо для матери, в к[ото]ром он рассказывает, что случилось, и просит прощения у матери, что поступил так, не посоветовавшись с ней, но иначе поступить ему не позволяла совесть. Н[адежда] М[ихайловна] полетела домой (конечно, все пешком, ездить не на чем) за бельем и деньгами ему на дорогу, но когда пришла на Никол[аевский] вокзал, оказалось, что их уже увезли. Она все-таки нашла там каких-то двух морячков (чуть ли не тех, кому выпал жребий проститься с родными), к[ото]рые тоже должны были ехать в Москву, и упросила их взять немного белья и денег (всего они взять не могли); все это заняло столько времени, что идти по городу без особого пропуска она уже не могла (было около 9 ч[асов] в[ечера]); она просила коменданта вокзала дать ей пропуск, но он сказал, что не имеет на это права, и предложил ей переночевать на вокзале, в какой-то дежурной комнате с телефоном, предупредив ее, что ночью могут быть разговоры по телефону; они действительно были; она из слышанного поняла, что в П[етер]б[ург] везут много войск, преимущественно инородческих (здесь уже давно говорят о башкирских полках), и взрывчатые вещества.

Между прочим, в унив[ерсите]те тоже есть комиссар-студент-жиденек Цвибак, поступления 1917 г.; ему передана из унив[ерситет]ской канцелярии печать, и ни одна бумага не может выйти из университета помимо его!⁴⁸

3 / 16 марта. Сегодня такая стрельба, какой еще никогда не было: у нас стекла дрожат⁴⁹. М[ария] Н[иколаевна] Давидович встретила (вероятно, на островах?) беженцев с Раздельной, с козами, узлами и т.п. Они в ужасе бежали с Разд[ельной] и говорят, что к вечеру там, наверно, не останется ни одного дома, к[а]к и в Ольгине. Катерина слышала сегодня в столовой разговор талонщицы с пришедшей за обедом дамой в костюме сестры милосердия: «Что нового у Вас?» – «Ничего, только привезли 200 чел[овек] раненых». – «Как раненых? Ведь стрельбы эти дни не было». – «Да они не ранены, а у них отморожены ноги, п[отому] ч[то] они несколько часов сидели в воде».

С.Ф. слышал сегодня, что 24-я дивизия отказалась идти штурмовать Кр[оншта]дт, пока им не дадут хороших сапог с высокими голенищами, чтобы ноги не промокали.

¹ Далее в тексте зачеркнуто объявил[и].

По словам ген[ерала] Изм[естье]ва, начальник военно-уч[ебных] заведений Джикиа вернулся с фронта очень мрачный и, проходя по канцелярии, сказал только: «И среди курсантов началось разложение».

4 / 17 марта. Стрельба продолжалась всю ночь; часу в 6-м утра, по словам С.Ф., это был прямо ураганный огонь – не была ли произведена попытка штурма? Ниночка слышала вчера у Соколовых, что в сторону Петергофа за последние дни послано очень много войск. Стрельба, и сильная, продолжается и теперь; сейчас (2 ч[аса] дня) был точно взрыв. И из-за чего эта братоубийственная война? В кр[онштадтски]х прокламациях, говорят, говорится, что и они за советскую власть, только чтобы Советы были переизбраны.

Все коммунисты так или иначе мобилизованы для фронта. Ю[лий] Гессен говорил С.Ф-чу, что был в Совете проф[ессиональных] союзов и нашел там из всех служащих¹ только одну женщину, и та сказала, что через два дня и она отправится на фронт. – У всех учреждений, кроме военных, отобраны автомобили для военных надобностей. Интересно знать, продолжают ли возить в автомобиле Ив[ана] П[етровича] Павлова? Он неуклонно продолжает громить сов[етскую] власть.

Сын Преснякова служит в каком-то учреждении по продовольствию и слышал, что Кр[оншта]дт обеспечен продуктами до осени, а вот в П[етер]б[урге], говорят, с продуктами плохо.

6 / 19 марта. С субботы пошли слухи, что Кр[оншта]дт взят красными. На службе в Арх[ивном] вед[омстве] С.Ф. слышал от Пузинского, что против Кр[онштад]та была послана 37-я дивизия, привезенная из Гомеля, но что она идти не пожелала, т.е., может быть, часть и пошла, но штурм в общем не удался, что не пошедшие на штурм солдаты бродили по окрестным деревням, крестьяне от них в страхе прятались, а они говорили: «Мы ничего худого не сделаем, нам только поесть, а потом мы пойдем по домам». Вчера стрельбы не было, газеты вышли поздно и возвестили, что часть фортов и города уже в руках красных. Боже, жалься над Россией! Сегодня стрельбы опять нет – м[ожет] б[ыть], идут переговоры о сдаче? Кузьмин уже освобожден. – А русские эмигранты за границей, по словам даже красных газет, уже стали надеяться⁵⁰; со всех сторон, говорят, в Кр[оншта]дт потекли деньги, америк[анский] Красный Крест помогал ему из Выборга продуктами, и, по-видимому, все напрасно⁵¹.

С[офья] М[ихайловна] Данини задумала переменить квартиру, но узнала от председ[ателя] дом[ового] ком[ите]та в доме, где она живет, коммуниста, что, к[а]к ему известно, уже готов декрет, согласно к[ото]рому лица, оставляющие квартиру, могут взять с собой только ручной багаж, все остальное остается в пользу домового ком[ите]та.

На днях была у Катерины Клавдия с Маней. Я спрашиваю: «Почему Вы взяли Манию из приюта?» Она говорит: «Приют худой попался, сама видела, чем там занимаются (там, к[а]к и везде теперь, вместе мальчики и девочки), ни на один день не захотела больше держать там девчонку, ей должны были дать платье, башмаки, я ничего не стала ждать, сейчас увела девчонку». А Катерина на это говорит: «У меня знакомая есть, дворничиха из дома, где столовая “Эрнест”, так она тоже свою дочь взяла из приюта, говорит: там они скоро все матерями будут». – А Н[иколай] А[лексеевич] Орлов говорил Мише,

¹ из всех служащих дописано на правом поле.

со слов доктора, имеющего отношение к теперешним приютам и интернатам, что, по данным их медиц[инской] статистики, из девочек в возрасте 10–16 лет 40 % не невинны. Что это обещает для следующих поколений при том условии, что после войны число мужчин-сифилитиков страшно возросло?

9 / 22 марта. Затихла давно стрельба. Кр[оншта]дт взят, но, говорят, весь бурлит. Как его взяли, неизвестно; Ниночка слышала, будто обманом: посланная против него дивизия будто бы выкинула белый флаг и потому была подпущена к городу, к[ото]рым и завладела, что в них стреляли из окон и с крыш даже женщины и старики. По другой версии, будто бы часовые в Кр[оншта]дте заснули и не заметили приближения неприятеля. Лихачевы, и отец, и сын, из разных источников слышали, будто все Кр[онштадт]ское движение было подстроено [э]с[е]рами с какими-то партийными целями. Во всяком случае, к[а]к говорят, из Кр[оншта]дта ушли в Финляндию все способные носить оружие, предварительно приведя в состояние полной негодности корабли. Убитых и раненых за эти дни было, по-видимому, очень много⁵². Из Машиной деревни, по словам ее брата, были мобилизованы все крестьяне с лошадьми для перевозки раненых. Мишин товарищ В.И. Абрамов ездил на днях в Петергоф: там лазареты переполнены ранеными, к[ото]рых очень хорошо питают. Из убитых многие убиты вошедшими внутрь их осколками льда. Абр[амо]в разговаривал [с] денщиком какого-то комиссара, просидевшего в плену в Кр[оншта]дте все время осады: когда его освободили, он был в одном белье, так же к[а]к и Кузьмин; по-видимому, в Кр[оншта]дте было мало всего: и войска, и платья, и обуви, и продуктов, а впрочем – ведь мы хорошенько ничего не знаем. Странно, что после такого, казалось бы, крупного успеха, к[а]к взятие Кр[оншта]дта, у коммунистов совсем не заметно победного настроения; напротив, они кажутся очень озабоченными и к[а]к будто даже стремятся уходить из партии. По словам О[льги] Е[фимовны] Корнилович, какой-то комиссар на их заводе хлопочет об отпуске и говорит шепотом: «Пережду, а потом вернусь уже не коммунистом». – Жена молодого Хлыновского говорила мне вчера, что среди моряков к[а]к будто что-то готовится, даже будто бы назначено было на вчера, но ничего не было, что моряки ждут эвакуации (т.е. не кораблей, а моряков) не то на Черное море, не то в Владивосток.

На Никол[аевской] ж[елезной] д[ороге] почтовый поезд будет ходить теперь только 2 раза в неделю: не хватает паровозов.

Ниночке восстановили ее морской паек, ученый паек тоже выдают, только масла на пайки не дают совсем; по-видимому, его действительно совсем нет в Петрокоммуне. Тетка В.И. Абрамова везла из Череповца 26 ф[унтов] масла, у нее реквизировали 20 ф[унтов]; муж ее, служащий по продовольственной части, выхлопотал документ, на основании к[ото]рого ей должны вернуть 10 ф[унтов], но куда они ни обратятся, им отвечают: «Ваш документ совершенно правилен, но вернуть Вам масла мы не можем, п[отому] ч[то] его у нас нет».

15 / 28 марта. И писать не хочется: опять целый список расстрелянных. По-видимому, во всей Кр[онштадт]ской истории офицерам пришлось играть чисто страдальческую роль: взбунтовались матросы, заставили офицеров к[а]к бы руководить всем, а сами их не слушались: офицеры, говорят, выработали план наступления на П[етер]б[ург] через Ораниенбаум, а матросы

не пошли; тогда, будто бы, офицеры с Козловским во главе ушли в Финляндию, а Кр[оншта]дт был взят, и притом будто бы обманом. Во всяком случае сейчас почему-то происходит какое-то повальное бегство коммунистов из партии; по словам Викт[ора] Ив[анови]ча, «Кроншт[адтски]й листок»⁵³, к[ото]рый он видел, полон такими заявлениями: выхожу из партии и т.д.⁵⁴ Миша как-то встретил своего бывшего одноклассника Ильинского; он был коммунистом, но недавно вышел из партии, говорит: «Не хочу, чтобы били, ведь скоро всему конец». – От Крейтона из Финляндии его приятель получил письмо: «Скоро увидимся» – но ведь это столько раз говорилось!

Вчера появилась целая волна слухов: что Одесса взята румынами, что армия Врангеля должна влиться в великосербскую армию, что на юге готовятся или уже началось наступление и т.д.⁵⁵

Ольденбург, вернувшийся сюда из Риги, где он читал много иностранных газет, говорит, что у него образовалось определенное впечатление, что никакой интервенции не будет, но¹ что скоро коммунизму конец – а он человек очень сдержанный и притом большой пессимист.

Бедный Евг[ений] Викт[орович] Тарле в Кауфман[ской] общине с огромным карбункулом на почве диабета. Операция сделана удачно, теперь нужно усиленное питание при диете, а это так трудно! Нужны яйца; их в городе нет; Зи[наида] Ник[олаевна] случайно достала по 1000 р[ублей] за штуку. Масло – 25 000 р[ублей] и дороже. – Его жена совсем растерялась и все повторяет: его погубили эти бесконечные хождения по городу.

Игн[атия] Ал[ександрови]ча Ивановского выселяют из его квартиры (она понадобилась помещающемуся в их доме приюту для расширения) в другую квартиру в том же доме; перенести вещи придется через чердак. Домовая демократия, т.е., вероятно, дворники и т.п., заявила, что за эту работу они желают получить 1 800 000 р[ублей]! А ведь, кажется, по социалистическим законам, вещи и обстановка выселяемых должны быть перевезены или перенесены бесплатно.

Недавно нам дали прочесть те №№ ревельских «Последних известий»⁵⁶, где помещен перевод воспоминаний Жильяра (француза-преподавателя при детях Николая II) о последнем периоде жизни царской семьи и о смерти их в ночь с 3-го на 4-е июля [19]18 г. в Екатеринбургe – какой ужас!⁵⁷ Приходится окончательно поверить, что все они погибли, а вскоре после них в Алапаевске и Константиновичи (Иоанн, Игорь и Константин) вместе с Елиз[аветой] Феод[оровной], Серг[еем] Мих[айловичем] и Палеем.

20 марта / 3 апр[еля]. Как быстро летит время! Давно ли, кажется, наступил Великий пост, а вот уже 3-я неделя кончается, и все чего-то ждешь и на что-то надеешься. Весна наступает не т[а]к быстро, к[а]к бы хотелось, наши «холодные» комнаты очень медленно обогриваются.

Арестованных в связи с Кр[онштадтски]ми событиями постепенно выпускают, но очень медленно, п[отому] ч[то] арестовано было всего 2000–3000 чел[овек], а выпускать могут только по 20 чел[овек] в день, т[ак] к[ак] много формальностей и много бумаг.

С[офья] С[ергеевна] Меринг в Москве не нашла своего сына, т[ак] к[ак] их через Лихославль провезли в Тулу; оттуда она получила от него письмо. Теперь

¹ что никакой интервенции не будет, но *вставлено на правом поле.*

есть уже от него письмо из Туапсе; по-видимому, они все-таки будут плавать на кораблях, т.е. останутся моряками, а раньше у нее было впечатление, что их отвезут на Кавказ и рассуют по разным красноармейским частям. Вчера Ниночка слышала о судьбе трех коммунистов из Морского корпуса, к[ото]рые, подобно Мерингу, заявили, что не будут стрелять в Кронштадт: их судили и осудили на 5 лет тюрьмы; они теперь сидят в Крестах. Слышала это Ниночка от коммунистов, С[ергея] В[алериановича] Вознесенского и Егорова, в своей Морской комиссии (вчера был год с ее основания, это было ознаменовано товарищеским завтраком, во время к[ото]рого начальник полит[ического] отдела «случайно» явился в комиссию¹ для ревизии). Оба коммуниста ругательски ругали представителей советской власти и рассказывали много поразительного: недавно издан декрет, воспрещающий оставаться в средней школе лицам старше 16 лет; вызвано это тем, что недавно в б[ывшем] Екатер[ининском] инст[иту]те одна пожилая опытная учительница не могла дать урока, п[отому] ч[то], войдя в класс, увидела, что все ученицы сидят на коленях у учеников, и на приглашение сесть по местам, п[отому] ч[то] «так неудобно», получила в ответ: «Очень удобно, ведь мы все – мужья и жены». Лилиной передали этот случай и другие – о каком-то интернате на Фуршт[атской] улице, где ничего не могут поделать с учащимися, т[ак] к[ак] никаких мер взыскания применять нельзя. Она сказала: «Какие взыскания Вам нужны, когда у Вас такое могущественное средство воздействия, к[а]к слово убеждения?» И поехала сама в какой-то интернат «убеждать». Там среди дня мальчишки оказались лежащими в постелях. Она начала свои «убеждения» обращением: «Дети» – и получила в ответ: «Какие мы дети? Мы взрослые мужчины. Накорми нас, дай сапоги и платье, тогда и говори про ученье» и т.д. – После этого велено всех старше 16 л[ет] удалять из школ и заставлять учиться к[акому]-н[ибудь] ремеслу. Возн[есенски]й говорит: «Т[ак] к[ак] часто бывает жаль вышвыривать из школы недоучившихся девочек и мальчиков, если они действительно хотят учиться, то я делаю так: рву метрику данного ученика или уч[ени]цы и пишу куда следует: метрика утеряна, прошу выдать новую – и показываюⁱⁱ возраст, на 2 года моложе действительного». Но какво будет разбираться в этом потом? Возн[есенски]й говорит: «Но ведь Лилина – сумасшедшая, ее скоро с этого места уберут, вместо нее будет Кузьмин (Н[иколай] Н[иколаевич])».

25 марта / 7 апр[еля]. Сегодня – холодный и дождливый день; неужели то же будет в 1-й день Пасхи? В прошлом году мы в Благовещение в первый раз обедали в холодной столовой, открыв дверь на балкон, но в 1-й день Пасхи было сыро и холодно. На днях мы все-таки надеемся расселиться по всей квартире.

В воскресенье был у нас Пархоменко, только что приехавший из Екатеринодара. Он почти бежал оттуда, т[ак] к[ак] там опять сильные гонения на интеллигенцию: около 7 тысяч «буржуев» в один день были выведены из города «на сады» – это значит – в предместьяⁱⁱⁱ – я даже не понимаю, что это значит. Взять с собой им позволили только «узелки», т.е. ручной багаж, а все остальное имущество их «предоставлено пролетариату», иначе говоря – разграблено. П[архомен]ко случайно узнал, что имя его находится

ⁱ На правом поле напротив текста карандашом ?

ⁱⁱ В тексте слово указываю исправлено на показываю.

ⁱⁱⁱ Это значит – в предместья написано на правом поле.

в проскрипционном списке; сам он в эту минуту был не в самом Екат[еринода]ре, а где-то там же, по делам музея, – оттуда он и уехал, бросив на произвол судьбы в Ек[атеринода]ре свое имущество. Распоряжается этими мерами против интеллигенции какой-то еврей Гольман.

Наташа в субботу ездила к Корниловичам на Понтонную, вернулась в воскресенье. У нее был интересный разговор с Викт[ором] Ник[олаевиче]м: на вопрос Наташи, занимается ли он теперь музыкой, он ответил: «Нет, совсем не занимаюсь, мне теперь не до того» – и объяснил, что в нем теперь происходит внутренний перелом: год тому назад, когда началось нек[ото]рое оживление в заводской и промышленной жизни России, к различным предприятиям, на заводы и фабрики стали привлекать инженеров, техников, по теперешнему выражению – спецов, давали им обширные полномочия, власть, подчинили им рабочие – заводы и др. предприятия заработали, верфь В[иктора] Н[иколаевича] занялась ремонтом вагонов, производительность труда постепенно повышалась (с 20 до 80 вагонов в месяц), казалось, что можно работать на благо России. Затем произошел известный раскол в правящих сферах: Троцкий настаивал на сохранении власти в руках спецов, к[ото]рые должны быть распорядителями дела, Ленин и др. требовали передачи всей власти и инициативы профессиональным союзам, т.е. рабочим; это мнение одержало верх, опять у спецов отнята вся власть, производительность предприятий неуклонно понижается. В[иктор] Н[иколаевич] говорил с железнодорож[ными] инженерами; там то же самое: сколько пайков ни выхлопывай для рабочих, сколько ни давай добавочного заработка за сверхурочные работы, рабочие все равно не работают. Вывод один: в Советской России работать нельзя, нужно уезжать – и В[иктор] Н[иколаевич] мечтает уехать в Польшу, т[ак] [как] его мать – полька.

Пархоменко говорит, что поезда идут довольно хорошо: по-видимому, с помощью нефти, к[ото]рую удалось подвезти. На станциях везде много голодных, к[ото]рые просят кусок хлеба, часто¹ в обмен за к[акой]-н[ибудь] стаканчик или ч[то]-н[ибудь] подобное.

С.Ф. эти дни нездоров: прострел. К нему приходил по делу Вл[адимир] Фр[анцевич] Пузинский и, между прочим, сообщил, что, судя по сообщениям красных газет, армия Врангеля доживает последние дни; в газетах напечатано письмо к нему какого-то франц[узского] генерала с предложением ликвидировать армию, т[ак] к[ак] франц[узское] правительство в ближайшем будущем прекратит всякую материальную поддержку ей, дать возможность вернуться в Россию желающим, а хлебопашцев направить в Аргентину⁵⁸. Интересно бы знать, так ли это?

Идет слух, что Ораниенбаум на осадном положении, что привезенные издалека войска, взявшие Кр[оншта]дт, сильно волнуются: их-де обманули, сказали, будто Кр[оншта]дт в руках финнов и белогвардейских генералов, а на самом деле пришлось сражаться против своих же братьев. Толкуют, будто на днях и П[етер]б[ург] будет объявлен на осадном положении. Недавно мы опять слышали оружейную стрельбу, но где и кто – неизвестно. И в Москве Пархоменко, переезжая с вокзала на вокзал, слышал ружейные выстрелы.

Цены на продукты заметно понизились (масло с 25 тыс[яч] до 18–19 тыс[яч]), но рынки по-прежнему разгоняют.

¹ часто вставлено над строкой.

3 / 16 апр[еля]. Профессор Моск[овской] дух[овной] академии Ив[ан] Вас[ильевич] Попов писал профессору здешней Дух[овной] ак[адемии] Глубоковскому, что в Москве на какой-то выставке здравоохранения в одной и той же витрине выставлены прекрасно сохранившиеся мощи Иоасафа Белгородского⁹⁹, мощи трех Виленских мучеников (православных, замученных католиками), труп (тоже, вероятно, хорошо сохранившийся) какого-то фальшивомонетчика и препарированная крыса из водосточной трубы (тоже хорошо сохранившаяся?). До открытия выставки все это хранилось у какой-то еврейки, к[ото]рая пускала православных прикладываться к мощам и очень на этом нажилась. А на самой выставке народ, посмотрев на мощи, говорил: «Приложиться нельзя, так пойдем служить молебен».

Смещен начальник здешней Чрезвычайки Комаров, вместо него назначен б[ывший] трамвайный кондуктор Семенов; произошло это так: К[омаро]в сблизился с каким-то спекулянтом, настолько себя скомпрометировавшим, что К[омаро]ву пришлось подписать приказ об аресте его; тем не менее К[омаро]в, подписав, отправился к этому спекулянту обедать, надеясь, что подписанный им приказ будет приведен в исполнение не раньше ночи, а с ним явились к[а]к раз во время обеда и арестовали¹ и хозяина, и гостя, несмотря на протесты последнего, – вот и пришлось сместить его. Каковы нравы!

Вчера был у нас Ю[рий] М[ихайлович] Хлыновский, рассказывавший, что было на «Севастополе» перед Кр[онштадтски]ми событиями и в самом начале. По его словам, к[а]к показало следствие, произведенное после Кр[онштадтски]х событий, в Кр[оншта]дте произошло что-то странное: штурм красноармейцев был отбит с ужасными потерями для них, а затем сами кр[оншта]дтцы ушли (будто бы в количестве 22 тыс[яч]), забрав с собой все, что было можно, и побросав в воду остальное. Хл[ыновск]ий говорит, что полученное нами письмо матери из Ревеляⁱⁱ многое ему объяснило: Англия помешала Финляндии и др. помочь Кр[оншта]дту, желая окончательной гибели России. Сейчас Хл[ыновск]ий состоит здесь на миноносце «Забияка», машина на к[ото]ром разобрана и пушки сняты. Хл[ыновск]ий говорит, что вообще он не знает корабля, к[ото]рый бы был в боевой готовности. Интересно еще его сообщение, что из прежних (дореволюционных) морских офицеров на советской службе находится сейчас примерно 30 % – не все именно в морском ведомстве, нек[ото]рые в Министерстве иностр[анных] дел.

С.Ф. слышал от лиц, говоривших с Горьким тотчас по возвращении его из Москвы, что Ленин в очень тяжелом настроении и убежден в неизбежности катастрофы, да и как ей не быть? Все попытки сов[етского] прав[итель]ства завязать торговые сношения с заграницей кончаются ничем: вывезли за границу лес (фанеру), его сейчас же конфисковали, т[ак] к[ак] английская фирма, имевшая лесное дело на севере России и потерявшая все там во время революции, признала его своим; вывезли соду – та же история; пошлют за границу русское золото для покупки товаров, его конфискуют для возмещения убытков, понесенных иностр[анными] подданными в России во время революции; говорят, единственное место, где русское золото берут, это Стокгольм –

¹ На левом поле притиска Сообщено Иславиным.

ⁱⁱ из Ревеля вставлено над строкой.

но интересно знать, по какому курсу? Вероятно, по очень низкому, т[ак] к[ак] его там, наверное, переплавляют. Вообще сейчас у прав[итель]ства заметно не хватает денежных знаков; жалование ведь задерживается, денег ни у кого нет⁶⁰. Но ведь еще, кажется, в октябре, когда С.Ф. читал лекцию о Димитрии Ростовском на Рижском пр[оспекте], инженер Максимов (из Экспед[иции] заготовл[ения] гос[ударственных] бумаг) говорил, что они не успевают печатать денежных знаков: они могут напечатать в день их на 4 миллиарда, а нужно 5. – Теперь идет слух, что будут какие-то металлич[еские] деньги.

Была я на Сенной: масса народу и продуктов; облак к[а]к будто нет; я купила 1 ф[унт] масла за 16 тыс[яч].

9 / 22 апр[еля]. Вчера С.Ф. и Наташа были у Тарле (он поправляется) и слышали такой рассказ: на конференции беспартийных рабочих в числе других ораторов поднялся какой-то рабочий и сказал: «Я не оратор, говорить не умею, поэтому скажу коротко: нас от вас тошнит». – Воображаю, какое впечатление это произвело!

Чиркин говорил С.Ф.-чу, что [в] нынешнюю весну разлив рек мал, но вода сбывала медленно, т[ак] ч[то] успели сплавить много дров; м[ожет] б[ыть], поэтому все последнее время трамваи ходят до 6 ч[асов] вечера. И тут же Ч[иркин] говорит: «А все-таки это – агония сов[ет]ской власти». С[ергей] В[асильевич] Рожд[ественский] тоже недавно сказал С.Ф.-чу: «Вы знаете, каким пессимистом я был все время, а теперь у меня определенное впечатление, что конец не далек».

Недавно С.Ф.-ча возил на лекцию в «Дом литераторов» пожилой извозчик, к[ото]рый, разговорившись, сказал, что ему пришлось за последнее время побывать во многих местностях России, везде одно и то же: народ измучился, мечтает о царе («при царях нам хорошо жилось»), ни на какую Учредилку он не пойдет, п[отому] ч[то] боится, что его опять обманут.

Приехал из деревни В[иктор] В[ладимирович] Снигирев, говорит то же самое: крестьяне недовольны, ропщут. Вообще в провинции история Кронштадта произвела огромное впечатление. На Кр[оншта]дт устремлены были все надежды и такая скорая развязка повергла всех в глубокое уныние.

Наступила весна – и так хочется надеяться и верить. А тут Катерина завяла мне, что устала работать и после Пасхи от нас уйдет.

В «Огнях», только что выпустивших книгу С.Ф.-ча «Борис Годунов»⁶¹, получена телеграмма от Гласберга, предписывающая попридержать книгу (т.е. не продавать?) до лучших времен. С.Ф. совсем не понимает, что это значит.

7 / 20 мая. Давно не писала: Маруся хворала, я ходила за ней. Погода чудесная, совсем летняя, авось Марусенька скоро совсем выправится.

За последние дни арестовано много меньшевиков, между прочим, Б[орис] Н[иколаевич] Перетц. – Рожков сидит со времени Кроншт[адтско]й истории.

Проф[ессору] Глубоковскому пишут из Саратова, что Илиодор в Царицыне объявил себя патриархом и проклял всю русскую правосл[авную] церковь – торжественно, с возвышения на площади. За ним, конечно, толпа его последователей⁶².

Вчера О[льга] А[лександровна] Каше[ринина]ва получила из Германии от тетушек Гельбке письмо Сашуни к его брату Мише; там говорится (письмо

от конца марта), что Сашуня недавно видел наших вполне благополучными, но невозможно понять, где сам Сашуня и где он видел наших.

Жалование почти всем и везде очень задерживается, денег ни у кого нет. Рынки вновь открыты, торговля в Центр[ально]м рынке идет очень оживленно: очень много масла (к[ото]рое подешевело до 16 тыс[яч] за ф[унт]), мяса, яиц, круп, картофеля и т.д. Норма выдачи хлеба уменьшена (на карточку А только ½ ф[унта] в день, на Б – ¼ ф[унта]), поэтому хлеб, говорят, дошел до 3000 р[ублей] за ф[унт]. Эту неделю почти везде выдавали почему-то белый хлеб, очень плохой, хуже черного; пошли слухи, что это – последние, «кремлевские» запасы, что никакой другой муки в запасе нет, что после белого хлеба никакого давать больше не будет, но все это оказалось, конечно, вздором: дают опять черный хлеб.

Из Москвы идет рассказы о публ[ичных] лекциях Луначарского на тему: «Бога нет», – причем он приглашает желающих возражать ему, гарантируя полную безопасность⁶³. И вот будто бы выступил пожилой доктор и сказал: «В лекции доказывается, что Бога нет, п[отому] ч[то] его никто не видел, вот и я 40 лет вскрываю чело[веческие] головы, видел мозг большой, средний, малый, а ума никогда не видел» – и больше ничего не сказал!

Другой рассказ: будто бы выступил оппонентом священник, снял с себя наперсный крест и, благословляя толпу, три раза (на три стороны) сказал: «Христос Воскресе» – на что вся аудитория, к[а]к один человек, каждый раз отвечала: «Воистину Воскресе –...» и все. Говорят, крестный ход в П[етер]б[урге]¹ в Лавру был необыкновенно грандиозен и воинственен: всех встречных заставляли снимать шапки, останавливали автомобили и т.д.

Недавно был здесь Ю[рий] Вл[адимирович] Готье, говорит, что в Москве хуже, чем здесь: больше вселений и выселений, уплотнений и т.п. Цены там приблизительно такие же, к[а]к здесь, но масло в последние дни Страстной недели дошло до 37 тыс[яч] за ф[унт].

Сегодня С.Ф. слышал, что из Финляндии прибыло несколько вагонов с продуктами для Дома ученых на имя Горького; т[ак] к[ак] он сейчас в Москве, то финнам предложили сдать продукты другим лицам для передачи Г[орько]му, но они отказались: им-де велено сдать все Г[орько]му под расписку, чтобы быть уверенными, что все достанется ученым – таково настойчивое желание тех, кто послал продукты⁶⁴.

22 сент[еб]ря / 5 окт[яб]ря. Не писала 2½ месяца: 12 / 25 мая С.Ф. сорвался, вскакивая на ходу в первый вагон трамвая, и был ушиблен вторым вагоном. Его отвезли в карете «Ск[оро]й пом[ощи]» в Петропавл[овскую] больницу, а оттуда на другой день домой. Переломов и вывихов не оказалось, повреждений внутр[енних] органов тоже не было, определили – только сильные ушибы и внутреннее кровоизлияние в левом боку – к[а]к у покойного нашедника, но у того, по выражению П[етра] В[асильевича] Троицкого, на почве гемофилии, «а у Вас на почве трамвая». – С.Ф. в общем прохворал и пролежал около 8 недель, но все кончилось хорошо – и это такое огромное счастье! Теперь он уже давно везде бывает, читает публ[ичные] лекции и т.д., от всего приключения осталась только скорая (сравнительно) утомляемость и нек[ото]рое изменение в походке.

¹ П[етер]б[урге] в дописано на левом поле.

Вчера минуло 2 недели, к[а]к отсюда уехали В[арвара] М[ихайловна] и Инна. Они так хотели уехать, Инна проявляла при этом столько чисто истерической настойчивости и энергии, что удержать их было нельзя, но что из этого выйдет – один Бог знает. И каких сумм это стоило! Одна Наденькина доха пошла за 6 миллионов. Продали они буквально почти все, и если доедут до наших, то в полном смысле слова голые и босые. Вчера через Ал[ександра] Ив[ановича] Поз[дее]ва мы узнали, что они 28 часов пробыли на море (!) и потом попали в карантин. Что-то было с ними потом? Из Финл[яндии] до Конст[антинопо]ля путь далек и сложен.

Третьего дня С.Ф. слышал в комиссариате нар[одного] пр[освещения] (было заседание у Кристи) такую остроту: учење свет, а учеенье – политпросвет.

Недавно кто-то приехавший из Москвы передавал¹ лично ему сказанные слова Луначарского: «Что у нас будет отнята власть, об этом говорить еще преждевременно, но что на социалист[ическом] опыте нужно поставить крест, в этом приходится сознаться».

29 сент[ября] / 12 окт[ября]. Вчера похоронили на Смоленском кладбище бедную З[инаиду] А[мвросиевну] Ефимовскую, только что приехавшую сюда из Одессы: гнойное воспаление яичников, аппендицит и в результате гнойный перитонит. Бедняжка к[а]к будто нарочно приехала сюда, чтобы умереть среди близких: ведь в Одессе она была совсем одна.

На только что бывшем в Москве Архивном съезде отношения между моск[овскими] и п[етер]б[ургскими] учеными были шероховаты: моск[овские] ученые гораздо сильнее здешних страдают от гнета сов[етского] правительства и потому не могут спокойно работать, а вносят всюду оппозиционное по отношению к сов[етской] власти настроение; здешние же ученые относились к моск[овскому] съезду исключительно с точки зрения научной работы – отсюда нек[ото]рые взаимные неудовольствия⁶⁵.

7 / 20 окт[ября]. Сегодня месяц, к[а]к В[арвара] М[ихайловна] и Инна от нас уехали; до сих пор мы не получили от Инны ни строчки, но стороной (Ал[ександр] Ив[анович] Поздеев получил письмо от жены из Финляндии) мы узнали, что бедная В[арвара] М[ихайловна] скончалась – по-видимому, еще в карантине; ждем дальнейшего подтверждения, а пока так жалеем бедную В[арвару] М[ихайловну]; не суждено было ей дожить до свидания с сыном. И что теперь с Инной?

В Архивном ведомстве по требованию из Москвы приходится исключить половину служащих; это – теперешняя злоба дня; масса обиженных и огорченных; по-видимому, придется уйти и Наташе, что ей очень грустно – не из-за жалованья, к[ото]рого почти и не платят, а из-за многих дружеских связей по совместной работе.

Много обиженных и в унив[ерсите]те; по требованию из Москвы число сотрудников исследовательского инст[иту]та⁶⁶ с 72 чел[овек] должно быть уменьшено до 40; остались за бортом чуть ли не все ученицы Эрв[ина] Гримма (Буковецкая, Холостова, Недзвецкая), п[отому] ч[то] их некому было защитить. Тарле сражался, к[а]к лев, и отстоял своих учениц – Марг[ариту] Конст[антино]вну и Наташу.

¹ Далее в тексте зачеркнуто слова.

Осень, сыро, холодно и темно. Мы поставили печь в столовой у камина, топим ее уже третий день и блаженствуем. Наша семья, сравнительно говоря, еще хорошо снабжена обувью, а ведь много людей совсем разуты: у Васенки ни у кого сапог и калош нет, у Спицыных тоже. Нашⁱ Миша недавно купил себе на рынке американские штиблеты темно-желтого цвета за 225 тыс[яч] р[ублей] (их широко раздавали рабочим и солдатам, а те их продавали). Они совсем не промокают, но очень тяжелы: 3½ ф[унта]. Наташа сшила себе полуботинки у Романова, бывшего мастераⁱⁱ у Вейсса⁶⁷; этоⁱⁱⁱ стоило...^{iv}

Можно ли этому удивляться, если миллион советских денег = 25 золотым рублям! Цены на продукты все растут: масло – 38–40 тыс[яч] за ф[унт], сах[арный] песок 35–40 тыс[яч], сахар 40–45 т[ысяч], мука ржаная – 4 тыс[яч], хлеб – 3800–4000 р[ублей] и т.д. Жалованья почти нигде не платят, выдачи по пайкам все уменьшаются; на этой неделе на наш ученый паек выдали только по 5 ф[унтов] муки и по 2 ф[унта] селедок. Зато по зеленым карточкам (в кооперативе при Доме ученых) постоянные выдачи за плату по 30–40 тысяч с карточки; у нас 5 таких карточек, и на этой недели нам нужно заплатить по ним 180 тысяч – откуда же доставать деньги? Наташа и Ниночка постоянно слышат от своих сослуживцев: опять выдача по зел[еным] карточкам, значит, нужно ч[то]-н[ибудь] продать, чтобы достать денег.

Вчера вечером Наташа возвращалась из унив[ерсите]та (там собиралось бюро кружка оставленных при унив[ерсите]те) с Андр[еем] Ал[ександровичем] Введенским; на Бирж[евом] мосту он, извинившись, вынул из кармана веревку и стал привязывать подошву сапога: сапоги у него совсем худые!

Сегодня у нас ночевал П[авел] К[онстантинович] Лециус: у него замедляется окончание курса в Инст[итуте] п[утей] сообщ[ения], п[отому] ч[то] ради заработка (продуктами) студенты инст[итута] два раза в неделю работают в порту на Гутуевском о[стро]ве по разгрузке и нагрузке судов. Там введено теперь военное положение после возмущения среди работавших там рабочих: они страшно воровали (5–8 ф[унтов] с пуда) и возмутились, когда с этим стали бороться; 12 рабочих было расстреляно, около 1000 чел[овек] уволено.

Город теперь без телефонов, т[ак] к[ак] недавно сгорела главная телефонная станция; подозревают поджог; З[инаида] Н[иколаевна] слышала, будто подожгли сами монтеры: они будто бы тайком провели разным частным лицам, (что теперь запрещено), около 500 телефонов и сами получали за них плату, а когда контроль это открыл и прекратил, они будто бы со зла сожгли станцию.

17 / 30 ноября. Опять долго ничего не писала: все не могу наладиться. Уже месяц, к[а]к мы на зимнем положении, т.е. живем в одной половине квартиры, к[ото]рую отапливаем тремя печурками; но мало дров у нас, а купить все как-то не удастся: из многих мест обещали, но пока ниоткуда не везут, и это нас пугает.

Сов[етские] деньги падают с катастрофической быстротой: недавно еще 10-рублевый золотой стоил 500 тыс[яч] на советские деньги, а те^v

ⁱ Наш вставлено поверх строки.

ⁱⁱ Зачеркнуто сотрудника.

ⁱⁱⁱ На левом поле напротив текста ?

^{iv} Пропуск в тексте.

^v На этом записи в дневнике обрываются.